

18+

Алия Амирханова
Цена дружбы

Алия Амирханова

Цена дружбы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Амирханова А.

Цена дружбы / А. Амирханова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Главная героиня одержима стремлением сделать счастливой свою подругу и идёт к цели напролом, принося в жертву свою честь и не только, но вместо признательности она получила от неё: ненависть и злобу. Пути молодых женщин разошлись навсегда. Но так ли это на самом деле? Возможно ли перечеркнуть прошлое или оно словно щупальцы спрута повязывает нас, всё более запутывая в лабиринтах воспоминаний, вынуждая тем самым помнить о нём. Всё закрутилось: и прошлое, и настоящее. Как выжить в этой сложной ситуации, чтобы остаться человеком? Ответ на этот вопрос мы и найдём во второй части книги.

© Амирханова А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Часть 1

Пролог

На железнодорожной станции Серпухово ждали машину “Скорой помощи”. Минут десять назад из проходящего поезда Тула – Рязань была снята беременная женщина, у которой начались схватки. Женщина была молодая и очень красивая. Она корчилась от боли и в кровь искусила губы, но не проронила ни звука. Когда её доставили в больницу соседнего города, она была без сознания. Женщине сделали операцию, и на свет появилась здоровая, доношенная, красивая девочка. Но к сожалению, как выяснилось позже, сама роженица была сильно простужена и умерла, так и не увидев дочку. Ей уже после смерти диагностировали двухстороннее воспаление лёгких. Женщина перед смертью один раз пришла в себя и спросила: “Кто родился?” Ей ответили, что девочка. Она нежно улыбнулась и, с улыбкой на губах, тихо произнесла: “Катенька!”, – а затем вздохнула и умерла.

Всех врачей в больнице тронул этот случай, и до годовалого возраста родившаяся девочка жила у них. Она была окружена любовью и заботой. Все надеялись, что за девочкой придут её родные, но ничего подобного не произошло. Документы матери по законам злого рока были утеряны, и до года у девочки не было фамилии. Все называли её Катюшей – тем именем, которое дала ей сама мать. И, надо сказать, оно подходило ей. Пришло время отдавать девочку в дом малютки. Заведующая родильным отделением, которая лично оперировала маму Кати, считавшая себя близким человеком для девочки, решила дать ей свою фамилию. Склонившись над кроваткой ребёнка в присутствии других врачей, она торжественно объявила.

– Моя фамилия Блум принадлежит старинному роду врачей. Мой дедушка принимал роды у жён высокопоставленных людей в самой Москве и его звали Яков. Передавая свою фамилию этому прекрасному ребёнку, я передаю ему частичку ума, знатности, счастья нашего рода. Если на её пути встретятся евреи, а они ей встретятся наверняка, то безоговорочно помогут. Отныне ты – Блум Екатерина Яковлевна. С этим благословенным напутствием девочка Катя уехала в дом малютки, где ей предстояло прожить до четырёх лет. ....

В интернат должны были привезти новичков. Раз в году привозили детей из детских домов. Им всем было по семь лет. Так уж было заведено: семнадцатилетние уходили, семилетние поступали. Своего рода круговорот. Дети в красивых платьицах, в выглаженных рубашечках пугливо выходили из автобуса и, прижавшись к воспитательнице, которая сопровождала их, тихо ожидали дальнейших событий. Город давал о себе знать; худенькие тельца, бледные лица. Катю Блум привезли вчера из детского дома соседней деревни. Уже тогда, в свои семь лет, она была рослой, крепкого сложения, красивой девочкой. И когда сегодняшние детишки выходили из автобуса, Катя стояла в сторонке и смотрела на них. То, что произошло потом, ей запомнилось на всю жизнь. Одна девочка: светленькая, худенькая, совсем маленькая, выйдя из автобуса и осмотревшись, подошла не к воспитательнице, как делали все другие, а, увидев Катю, смело подошла к ней и вложила в её ладонь свою маленькую ладошку. Возможно, она приняла рослую Катю за старшую сестру. Как выяснилось позже, девочку звали Люба. Как бы там ни было, воспитатели не посмели разлучить девочек, и почти до подросткового возраста Катя всюду ходила с Любой вместе, держа её за руку. С годами дружба девочек только крепла....

Глава 1

Уроки их 11 “А” класса закончились, и можно было ехать в интернат, но Люба упрямо стояла возле забора, чуть поодаль от входа во двор школы и ждала. Она неспроста выбрала это место. От него до дверей двухэтажной школы, окрашенной в безобразно синий цвет, где училась и сама Люба, было каких-то двадцать метров. Всех, кто входил или выходил из школы, было хорошо видно. Её русые волосы были аккуратно заплетены в длинную косу и затянуты обыкновенной чёрной резинкой. Стоял конец марта, и было ещё достаточно прохладно. Люба была в красной вязанной шапочке, из-под которой выглядывала короткая чёлка. Такого же цвета была на ней и синтепоновая куртка. Чёрного цвета вельветовые джинсы завершали скромное одеяние девочки. Её нельзя было назвать красавицей. На фоне подружки Кати, стоявшей рядом – высокой, стройной шатенки с длинными ногами, точёным носиком и прекрасными чёрными глазами, – она выглядела простовато, но и дурнушкой тоже не была. Люба стояла спиной к входу в школу, облокотившись о железную ограду, и смотрела себе под ноги. Её руки были за спиной, пакет с учебниками, небрежно брошенный, лежал тут же у её ног. Девушка покусывала свои пухлые, чувственные губы, что свидетельствовало о сильном раздражении и смятении, но при всём том она упорно не хотела уходить.

– И долго ты собираешься его ждать? – Катя, подруга Любы, уже пятнадцать минут уговаривала её прекратить это унижительное выстаивание на виду у всей школы и уйти.

– Отстань! Тебя никто не держит, и вообще: ты тут лишняя, неужели не понятно?! – Люба зло сверкнула глазами в сторону подружки. – Иди, чего стоишь?! Люба даже сделала попытку толкнуть подружку.

– Дура! Ты ему не нужна, он со Светкой гуляет! Ты что, ослепла?!

– Я хочу с ним поговорить! В глаза посмотреть! Как он мог?! Он мне в любви клялся. Понимаешь?! – Люба была на взводе.

В её больших голубых глазах отчаянье перемешалось с надеждой, с неиссякаемым желанием поговорить, разобраться. Она не могла поверить, что вот так просто, за несколько дней могла умереть его любовь. Они встречались три месяца. Ходили вместе в кино, нежно держась за руки, он покупал ей мороженое. Один раз даже подарил мягкую игрушку – зайчика. Он был так открыто настойчив в ухаживаниях, такими искренними казались его признания в любви. По сути, её покорили не сами слова, они были шаблонными, а то, как он при этом неподдельно смущался, как заикался от нахлынувших чувств и волнения. Она никак не хотела согласиться с подружкой, что это могло быть неправдой, игрой, развлечением. Она верила лишь в то, что по роковому стечению обстоятельств им не удаётся встретиться. А если не отвечает на звонки, так возможно просто заболел. В ту последнюю встречу они поклялись быть честными друг с другом, какой бы страшной не была правда, – значит, она вправе узнать причину такого поведения с его стороны. И пусть даже все ученики выйдут и будут смотреть на неё, она всё равно поговорит с ним, чтобы это ей ни стоило.

– Люб, пойдём, над тобой вся школа смеётся, – Катя показала на кучку хихикающих девчонок, стоявших в сторонке, и сделала попытку взять подружку за руку и насильно увести.

Та грубо вырвалась.

– Сказала же, пока не поговорю – не уйду!

И тут показался он. Высокий красавец Виктор из параллельного одиннадцатого класса шёл в обнимку со Светкой. Светка была его одноклассницей. Они шли последними, ученики их класса гурьбой пронеслись намного раньше. Они шли и весело смеялись. На Любу Виктор не обратил внимания, хотя не заметить её он просто не мог, пройдя в метре от неё.

– Витя! Витя!!! – как бы опомнившись, крикнула ему вслед Люба.

– Чего тебе? – не снимая руки с плеча девушки, Виктор неохотно обернулся, а вслед за ним, жалостливо улыбаясь, обернулась и Света.

– Я ...поговорить хотела, – Катя не узнала голос Любы, с такой нескрываемой мольбой она это произнесла, словно милостыню попросила.

– О чём нам с тобой говорить? – презрительная усмешка скривила его большой рот. Его глаза смотрели не на Любу, а на кучку любопытных девчонок, ожидавших развязки этой любовной истории. И вся его поза, пренебрежительно развязанная – он стоял, опираясь на плечо Светы, которая, чтобы угодить Виктору, не подавала виду, что ей неудобно и тяжело, – и его открытая грубость были в большей степени адресованы этой кучке сплетниц, которые уже завтра расскажут всей школе, как он бесцеремонно бросает девчонок.

– Нам некогда, мы в кино торопимся, – Виктор сделал попытку уйти.

– Как же так... Мы же с тобой ..., -Люба умоляюще смотрела на Виктора.

– Что мы с тобой? ...Слушай, отвяжись по– хорошему! – Виктор раздражённо посмотрел на Любу.

– Вить, ну подожди! Ты же говорил, что теперь до гроба, – Люба в отчаянии схватилась за локоть парня, чтобы удержать его, уговорить остаться. Она ещё что-то хотела добавить, но он грубо вырвал руку и прервал её.

– Ты что, шуток не понимаешь или... ты что, в самом деле решила, что я в тебя влюбился? Вот дура! Забыла, кто ты? Мне мать про вас, детдомовских, всё рассказала. Спасибо ей за это, – широко улыбаясь, он посмотрел на Свету, которая буквально светилась от удовольствия, наблюдая, как при ней унижают подругу первой красавицы школы.

– Ну, ты, выбирай слова, а то так и схлопотать недолго! – Катя с угрожающим видом стала приближаться к Виктору.

– Тебе что вообще здесь надо? – Виктор перевёл свой презрительный взгляд на Катю.

– Знаешь, кто ты? – Катя боковым зрением видела, что Люба после слов Виктора по поводу того, что она детдомовская, как–то резко рванулась и побежала. Отметив, в какую сторону побежала подруга, Катя осталась стоять на месте. Не ответить этому высокомерному выскочке она не могла.

– Ты, ты... урод, сволочь! Я даже слов не могу подобрать, чтобы выразить всю гнилость твоей натуры. Души у тебя нет! Ты ещё с ним наплачешься, – Катя презрительно посмотрела на Свету.

– За такие слова, – Виктор резко убрал руку с плеча подруги, но Катя осталась равнодушной к его угрожающему виду и продолжила.

– Что ты пыжишься, что ты можешь мне сделать? Урод!

– Поговори мне ещё тут, – Света огрызнулась, чтобы поддержать Виктора, но Катя уже не желала больше задерживаться.

Подняв с земли пакет с учебниками, она сначала быстрым шагом, а потом и вовсе побежала в сторону, где пару минут назад скрылась Люба. Эта дорога была ей знакома, по ней они всегда возвращались в интернат. Она была самая короткая и тянулась вдоль речки. Узкая и глубокая река, словно змея, плавно вилась вдоль берега, не делая ни резких поворотов, не расширяясь и не сужаясь, а грациозно и спокойно неся свои чистые воды в таинственные дали. Размеренное течение её вод большую часть года, завораживало и навевало грусть. Река словно шептала: зачем и куда спешить, всё идёт своим чередом.

Март давал о себе знать. Лёд на реке ещё не тронулся, но ранняя весна изрядно поубавила его толщину, и рыбаки, и детвора уже не рисковали выходить на реку. Катя бежала и вертела головой в разные стороны, дабы не просмотреть Любу. При одном таком повороте она заметила куртку подруги, которая стремительно неслась к реке. "Сумасшедшая!", – мелькнуло у неё в голове, и она прибавила ходу. На берегу, у самой воды стояли два подростка и смотрели на реку.

У их ног, брошенные за ненадобностью, лежали коньки. Похоже, ребята пришли покататься, но лёд не внушил им доверия.

– Смотри, психичка! – удивлённо-весёлым тоном произнёс один из подростков и покрутил пальцем у виска после того, как мимо, бросив пакет с учебниками, пробежала Люба. Отбежав от берега метров тридцать, она остановилась и стала прыгать, топтать ногами.

– Вот даёт, лёд проломить хочет! – мальчишки ошарашенно, во все глаза смотрели на неё.

– Люба, стой! – что есть мочи закричала Катя, увидев прыгающую Любу. Она бежала и кричала, но Люба не слышала её или не хотела слышать.

– Ещё одна, – с улыбкой на лицах мальчишки обернулись теперь уже в сторону Кати и не заметили, как лёд под ногами Любы вдруг провалился, и девушка упала в воду. Всё произошло в считанные секунды.

– Хватайте меня за ноги! – с этими словами Катя пронеслась вблизи подростков, на ходу снимая куртку. Те, ничего не понимая, повернули голову вслед за Катей и тут только заметили барахтающуюся в полынье первую девушку. Не ожидавшие увидеть подобное, они замерли от страха.

Люба была не в состоянии кричать. Тяжесть мокрой одежды увеличивалась с каждой секундой и тащила туда – вниз, в чёрную пучину страха и смерти. Всё её прежнее желание умереть вмиг улетучились. От страха она ничего не осознавала и барахталась в воде, движимая лишь инстинктом выживания. И когда до неё стал доноситься голос Кати, приказывающий хвататься за куртку, она не сразу поняла, что от неё хотят. А Катя продолжала стоять на краю полыньи и кричать. Она понимала опасность, но, пока Люба не схватится за куртку, позволить себе лечь на лёд и почти исчезнуть из поля зрения она не могла, осознавая каким-то шестым чувством, что это будет губельно для Любы, ибо даже то, что она просто находится рядом, было надеждой на спасение. Прошло несколько секунд, пока к Любе пришло осознание возможности спастись, и она стала делать попытки схватить рукав куртки, который был рядом, но то тонул, то вновь, резко выдернутый Катей, оказывался на поверхности. Барахтаясь, она наконец-то смогла приблизиться и схватить рукав. Тотчас Катя почувствовала, как теперь и её затягивает в пучину смерти. Она мёртвой хваткой вцепилась в куртку, бросая вызов водам всей реки, которые безжалостно и с нарастающей силой тянули уже их обеих в чёрную бездну. Ослабив на секунды сопротивление, она легла на лёд и уже затем, собравшись с духом, упиравшись ногами и локтями в лёд, напрягая все свои силы и перебирая руками, стала тащить на себя куртку, желая тем самым приблизить Любу к краю полыньи. Вены на руках Кати вздулись от напряжения, но она ослабляла хватку лишь время от времени, оборачиваясь на доли секунды, чтобы громко крикнуть тем подросткам, которые остались на берегу:

– Хватайте меня за ноги и тащите! – от напряжения, царившего вокруг, её голос прозвучал как раскаты грома.

Вытаращив глаза, мальчишки наблюдали за происходящим, стоя в сторонке, замерев от страха от уверенности, что любое их движение спровоцирует поломку льда. Они не пытались ни бежать, ни позвать кого-нибудь и, тем более, не пытались помочь. Они стояли и наблюдали, как Катя в одиночестве пытается вытащить Любу. Первым пришёл в себя один из подростков.

– Что она сказала? – еле слышно спросил он друга.

– Хватать её за ноги!

Разговор вернул подростков к действительности и несколько успокоил. Видя, что лёд не проваливается под Катей, один из мальчишек набрался смелости и, последовав примеру Кати, лёг на лёд. За ним лёг и второй. Выстроившись в цепочку, мальчишки поползли к полынье. Когда Катя ощутила, что её держат за ноги, она предприняла попытку, подавшись вперёд, схватить Любу за руку. Как только ей это удалось, она что есть силы крикнула: “Тяните!”. И все по этой команде потянули на себя впереди лежащего. Метр за метром они все боролись за жизнь, отползая всё дальше и дальше от полыньи. Успокоились лишь оказавшись все вчетвером на

берегу. Они стояли и молча дрожали от холода, от напряжения, от неверия, что справились, и Люба спасена. Первой пришла в себя Катя.

– Спасибо, пацаны! Выручили, – затем, повернувшись к Любе, она стащила с неё сапоги и, вылив из них воду, надела сама. Свои же, сухие, натянула на ноги Любе.

Когда с переодеванием было покончено, схватив пакеты с учебниками и мокрые куртки, свою и Любину, Катя скомандовала:

– Чего стоим, бегом по домам! – и уже, обращаясь к Любе, – Нам одна остановка, пока маршрутку дождёмся – околеем от холода, так что побежали!

На дорогу потратили в общей сложности минут пятнадцать.

Девочкам постарше в интернате полагались комнаты на четверых, в отличие от малолеток, которые проживали по шесть или даже по семь человек. Семнадцатиметровая комната, в ней возле каждой кровати – тумбочка, стол посередине, стулья по количеству проживающих. После малолетнего “улья” комната представлялась девочкам дворцом. Катя с Любой как раз и проживали в подобной комнате. Была суббота, и остальных девочек на выходные забрали родственники. Катя с Любой были отказниками. По словам воспитателей, от них родители отказались ещё в роддоме, так что идти им было некуда, и все выходные и праздники девочки проводили в интернате.

Вбежав в комнату, Катя стала помогать Любе раздеться. Мокрая одежда была тяжёлая, прилипла к телу, и Кате с Любой пришлось приложить много усилий, пока последние мокрые трусики были сняты.

– Чего стоишь, одевай сухую одежду, – Катя подала Любе бельё, а затем уже и старый, с дырками, но зато сухой свитер. – Не стой, ложись! Катя стащила с соседних кроватей одеяла, и ими тоже накрыла Любу.

– Я сейчас, – она выскочила в коридор и набрала в туалете трёхлитровую банку воды. В комнате уже, перелив воду в литровую банку, она всунула туда кипятильник, а штепсель воткнула в розетку. Пока вода грелась, Катя достала свою знаменитую аптечку. Вместительная коробочка с медикаментами была гордостью Кати. Появилась она благодаря доброй Валентине Степановне, которая работала в детдоме врачом. Женщина сразу заметила любознательную Катю, которая уже в детстве интересовалась медициной и часами сидела в её кабинете, расспрашивая про болезни и как их лечить. Когда же Катя стала учиться в школе, она уже сама рассказывала Валентине Степановне сведения о болезнях и лекарствах, почерпнутые из книг. А когда Катя подросла, и ей исполнилось тринадцать лет, Валентина Степановна на свой страх и риск, в ответ на долгие просьбы самой Кати, поделилась с ней лекарствами из школьной аптечки и потом уже постоянно при поступлении свежих лекарств, делила их на две части. С появлением аптечки началась деятельность Кати на медицинском поприще. С кем бы из ребят в интернате, что бы ни случилось, независимо от времени суток первым делом обращались за помощью к Кате, и та уже решала – справится ли она сама с проблемой или надо подключить профессионала. И, надо сказать, Валентина Степановна не ошиблась, доверив Кате лекарства. Та превосходно, со знанием дела лечила все простудные, а порой и гнойные болезни. Уже никто в детдоме не помнил тех времён, когда Катя не врачевала. Казалось, она это делала с пелёнок. В её аптечке были лекарства на все случаи. Вот и сейчас она достала спирт и интенсивно стала растирать Любе ступни ног. Не жалея своих рук, она безжалостно тёрла и тёрла ступни, пока они не согрелись, только затем она натянула на них шерстяные носки. Первым делом водой, доведённой до кипения, она залила смесь лечебных трав и оставила их париться. Затем, налив в бутылку из-под колы остаток горячей воды, она подсунула бутылку под ноги Любе.

– Держи ноги постоянно на бутылке. Как только вода остынет – скажешь. Ты должна вся согреться и пропотеть.

В эту ночь девочки не сомкнули глаз. Катя кипятила воду, готовила настои из лечебных трав и всю ночь пила ими подружку, вспоминая о себе в последнюю очередь. Первые

несколько часов Люба отходила от шока, от ужасающих картинок, которые упорно поставлял ей воспалённый мозг в виде полынни с её умопомрачительно страшной бездной в глубине. Она не могла уснуть, не разрешала Кате отлучаться, постоянно держала её в поле зрения. Но когда Люба несколько свыклась с мыслью, что спасена, она вспомнила о Викторе. Отчаянье от того, что он больше никогда не будет с ней, что он любит другую, вновь охватило её разум, и у неё началась истерика.

– Я не хочу жить без него! – кричала она, отталкивая стакан с лечебным настоем. – Зачем, зачем ты помешала мне умереть?! Это мой выбор, понимаешь, мой! По какому праву ты всё время вмешиваешься в мою жизнь?! Если ты толстокожий чурбан, если ты не умеешь любить, то я не такая! Пойми, ты это, наконец, и отстань от меня! – Люба плакала навзрыд, она рвала на себе волосы, пыталась царапать себе лицо, но, к счастью, короткие ногти не позволили ей этого сделать. Некоторое время Катя молчала, давая подруге возможность выплакаться. Но заметив, что конец света, который так реально представлялся Любе с уходом Виктора, потерял от потока слёз былую яркость и довольно сильно поблёк, Катя принялась создавать в глазах подруги иной мир, полный радостей жизни.

– Пойми ты, дуручка, – Катя села на стул напротив, чтобы Люба могла видеть её, и спокойным голосом начала говорить. – Никто не уговаривает тебя жить без любви. Это единственное, ради чего имеет смысл жить, но, помимо любви плотской, существует твоя любовь к творчеству. Ты ведь пишешь замечательные стихи. Неужели тебе не хочется стать знаменитой, чтобы тебе рукоплескали, тобой восхищались? И, в конце концов, этот твой Виктор поймёт, как был не прав, бросив тебя, и очень сильно об этом пожалеет! Он ещё на коленях будет вымаливать у тебя прощение.

Слёзы у Любы постепенно высохли, глаза загорелись, и было видно, что чувство иного рода стало зарождаться в её сердце. Желание доказать свою значимость, своё превосходство, имело более мощную созидательную силу, в сравнении с тем отчаянием, которое еще недавно толкало её в объятия смерти.

– Ты должна радоваться, что так скоро обнаружился предательский его характер, – закончила свой монолог Катя.

– Ты думаешь, он и Светку бросит? – с надеждой спросила Люба.

– Конечно, но, может быть, не так скоро, как тебя.

– Что ты такое говоришь? Чем я хуже её? – красные от слёз глаза Любы округлились.

– Тем, дорогая, что мы – детдомовские, – устало и с грустью произнесла Катя. Её красивые длинные руки устало лежали на коленях. Большие чёрные глаза были печальны.

– Мы с тобой по определению не можем никому нравиться. Детдомовские для них – только бесплатное развлечение. Кто придёт за нас заступиться? Кому мы можем пожаловаться? У нас никого нет. И потом, кому мамы разрешат дружить с девочками, у которых родители неизвестно кто? Я бы своему ребёнку не разрешила!

– Но почему?! – широко открытыми глазами Люба смотрела на Катю.

– А потому! Ты что, совсем ничего не понимаешь? – раздражённо произнесла Катя. Она была раздосадована бестолковостью или наивностью подруги.

– Что я должна понимать? – обиженно произнесла Люба.

– Думаешь, у меня, как, впрочем, и у тебя, родители профессорами были? Как же! Алкаши!

– Правда, что ли?

– Ну, ты, Любка, даёшь! А то нет! Кто из порядочных людей от своих детей ещё в роддоме откажется? Что молчишь?

– И то верно, я своих детей любить буду, – как-то сразу погрузнев, ответила Люба, а секундами позже продолжила.

– Тебе хорошо, ты сильная, а я пропаду! Вот семнадцать лет стукнет, из интерната выгонят, – что я делать буду? – Люба горько расплакалась.

– Тут слезами не поможешь, – строго сказала Катя. – Нам с тобой во что бы то ни стало нужно выучиться, иначе, действительно, пропадём. Нам с тобой, Любка, ещё предстоит доказать своё право на место под солнцем. У всех оно есть по факту своего рождения, у нас его нет. Нас, детдомовских, чураются как чумных! Перед нами стоят более сложные задачи, а ты из-за дурака утопиться хотела! Нам с тобой по семнадцать скоро стукнет. Жизнь устраивать надо, помощи ждать неоткуда.

– Как страшно! – у Любы опять на глаза навернулись слёзы.

– Ничего, сами справимся, главное не вешать носа, – Катя ходила по комнате и собирала разбросанное мокрое бельё, до которого раньше не доходили руки. – А про любовь и всякие там развлечения на время надо забыть. Говоря это, она строго посмотрела на Любу.

– Кать, ты меня, такую дуру, не бросишь? – у Любы сделался виноватый вид.

– Не брошу. Ты мне вот что скажи: у вас с ним было?..

Люба со страхом произнесла.

– Нет, что ты!

– Ну и слава Богу!

К утру от простуды Кати не осталось и следа, а Люба чувствовала себя вполне сносно. Случай на речке старались больше не вспоминать.

Глава 2

Наконец, все экзамены сданы. К выпускному балу готовились тщательно, хотя это слово больше подходило для Любы. Спонсоры детдома разрешили девочкам заказать платья в ателье на свой вкус, но, конечно же, в пределах разумного. Люба придумывала фасон чуть ли не месяц, она перерыла множество журналов, но свой выбор остановила на платье Наташи Ростовской, в котором та была на своём первом балу.

Торжественную часть, которая проходила в актовом зале, украшенном шарами и всевозможными шуточными шаржами – как на учеников, так и на преподавателей, вёл директор школы. Ему было больше семидесяти лет. Невысокого роста, полный, лысый и круглолицый, он был реально похож на Колобка. Школьники сразу это приметили, и за ним закрепилась прозвище Колобок. В школе его любили все. Наверное, от того, что, будучи преподавателем истории и зная её великолепно, он вместе с тем был отличным психологом: всегда умело находил самую короткую дорожку к сердцу каждого преподавателя и ученика. И сегодня, вручая аттестаты, он для каждого выпускника находил нужное слово на прощание. Катя получала аттестат в числе первых.

– Для получения аттестата и серебряной медали приглашается Блум Екатерина, – торжественно произнёс директор и широко улыбнулся.

Катя с замиранием сердца поднялась на сцену. Прямые блестящие волосы водопадом струились по плечам девушки и красиво обрамляли её тонкое лицо. На Кате было простенькое красное платье до колен с вырезом “лодочка”, который подчёркивал красоту длинной шеи и красивый прямой разворот её плеч. Высокая, длинноногая она смотрелась великолепно.

Вручив аттестат и медаль, пожимая девочке руку, директор искренне сказал: “Катюша, я был бы счастлив иметь такую дочь, как ты. Успехов тебе, милая!”. Она едва сдержала слёзы, столько теплоты было в словах старого учителя.

После торжественной части начался сам бал. Играл школьный оркестр. Музыка лилась рекой, девичий смех был особенно трогателен в этом бушующем потоке радости и веселья. Строились планы, раздавались обещания. Рассвет пошли встречать на площадь влюблённых. В городе была такая площадь. Она находилась на возвышенности, там было много небольших скульптур и композиций, изображающих влюбленные пары. Все они были сделаны из дерева либо из камня и подарены городу молодыми архитекторами, скульпторами. Вся атмосфера парка была пронизана восхищением, преклонением перед великим чувством под названием Любовь.

Одноклассник Серёжа, безнадежно влюблённый в Катю, на выпускном балу не отходил от неё. В преддверии разлуки он желал лишь одного – вырвать из уст девушки разрешение надеяться. Но Катя весело смеялась, видя его грустные глаза, и всё время повторяла: “Серёженька, наступит завтра, и всё будет по-другому. Детство кончилось, а из него, как правило, мы берём лишь воспоминания, но не ждём продолжений” ....

Аттестаты получены, балы отгуляны. Пришло время выезжать из детдома. Вечером девочки обсуждали, в какой город поедут учиться. Рассуждала Катя, а Люба молча слушала.

– Надо ехать в большой город. Сразу в несколько вузов подадим, в большом городе легче выжить, – начала Катя, для большей убедительности она ходила по комнате.

– Конечно, и опасностей там больше, – перечила она себе. – Но я так полагаю, подруга, пока не выучимся, профессию не получим, на работу не устроимся, ни о каких развлечениях не может быть и речи. О парнях даже думать забудь! – строго сказала она, обращаясь к Любе.

– С тобой, Катюшка, и замуж не выйдешь, – вставила Люба.

– Да пойми ты, дуручка, задумайся, почему нас мамки в роддоме оставили?

– Ну?

– Ну что “ну”! Оттого, что были они без образования, без профессии, и их, непутёвых, никто приличный замуж не взял. Ясно! А стали они непутёвыми от того, что о гулянках только и думали, вроде тебя. Понятно?

– Да.

– Вот и хорошо. Едем мы с тобой в Новосибирск. Будем поступать в институт. Ты в какой институт хочешь?

– Не знаю, – помялась Люба.

– Я считаю, тебе в литературный надо, ты же стихи пишешь.

– Ты думаешь, я туда поступлю?

– Да! Всё решено, обе поступаем на литературный факультет.

– А тебе зачем, может, ты в другой? Ты же медициной бредишь, – робко напомнила девушка.

– Ну нет уж, я тебя одну не оставлю! За тобой, подруга, глаз да глаз нужен.

– Спасибо, Катюша.

– Спасибо скажешь, когда известной поэтессой станешь. Наверняка, забудешь про меня?

– Никогда! – растроганно сказала Люба. – Без тебя я бы давно пропала.

Билеты до Новосибирска оплатил металлообрабатывающий завод их города Саранска, который шефствовал над детдомом, кроме этого девушкам были выданы небольшие подъемные – деньги на первое время.

Вот и всё. Мосты сожжены, возвращаться некуда! На их место пришли новые Кати и Любы. Конвейер человеческой безответственности и бессердечия работает безотказно.

Старый вагон, в котором располагались их плацкартные места, выглядел совсем непрезентабельно. Краска во многих местах облезла, и на её месте появились большие куски, проеденные ржавчиной.

– Если внешний вид такой страшный, тогда что будет внутри? – расстроено сказала Люба, с трудом таща за собой чемодан на колёсиках, поверх которого был привязан ещё один.

– Да ладно, что ты? Мы же не жить там собираемся. Доедем – и забудем про него, – успокаивала подругу Катя. Она тоже, как и Люба, была нагружена под завязку. А что им оставалось делать? Эти вещи – всё, что у них было. К большому их удивлению, внутри вагона было очень уютно. Наверное, оттого, что было чисто. Занавески на окнах сверкали своей белизной, и, накрахмаленные, они столбиками тянулись вдоль окон. Чистый пол, чистые столики. Настроение сразу улучшилось. Одно место было нижнее, другое верхнее.

– Я сплю внизу, – сразу скомандовала Катя, а потом шёпотом добавила, – Вещи караулить надо. Любе досталась верхняя полка.

Пока ехали – спали по очереди. Катя очень боялась воров, потому Люба спала ночью, Катя днём, забравшись на верхнюю полку, уступив своё место на нижней Любе. Приехав в Новосибирск, первым делом поехали в университет. Как оказалось, литературного факультета там не было, а был факультет журналистики. В приёмной комиссии им посоветовали педагогический.

– Девчонки, не прогадаете. Там точно есть литературный, и поступать легче – конкурс ниже. И потом, девчонки, я вам честно скажу, в университет все блатные лезут, не пропустят вас. В педагогическом контингент попроще, – председатель комиссии сердобольная профессорша участливо объяснила девушкам преимущества этого ВУЗа.

Здание педагогического института, недавно отремонтированное и покрашенное в красивый цвет персика, выглядело нарядно. Как оказалось, оно состояло из нескольких корпусов. Литературный факультет располагался в последнем корпусе, как раз возле здания общежития, что было очень удобно. До экзаменов оставалось некоторое время, и, как положено в

таких случаях, в институте девушкам дали записку для заведующей общежитием, чтобы та их поселила на время сдачи экзаменов. Получив направление, Катя с Любой пошли устраиваться. Общежитие напомнило девушкам их родной детдом. Длинный коридор, по бокам – комнаты. Кабинет заведующей был на втором этаже.

Решительно постучав в дверь, Катя заглянула комнату. За столом сидела женщина средних лет. Полная, щёки – как спелые яблоки, и по форме, и по цвету. На голове кольцом уложена реденькая русая коса. В далёкой молодости коса, очевидно, была толстой и украшала голову женщины, но с годами превратилась в мышинный хвост. Привычка носить такую причёску осталась, потому косичка по-прежнему располагалась на макушке, если, не украшая хозяйку, как в былые года, то и не портя весёлого, располагающего к себе облика женщины.

– Извините, – Катя увидела, что женщина кушает, и хотела было уже закрыть дверь, но заведующая опередила её и, продолжая жевать, доброжелательно спросила.

– Что хотела?

– Мне бы Елену Владимировну, у меня к ней записка.

– Давай! – Катя одна вошла в кабинет и передала записку в руки женщины. Та сразу же её прочитала. – В записке сказано, что вас двое, девочек из детдома?

– Да, – Катя быстро выскочила за дверь и привела Любу.

– Теперь вижу, что вас двое. Девчонки, берём стулья и садимся! – тепло улыбаясь, женщина встала со своего места и принесла еще две тарелки и две кружки.

– Небось проголодались с дороги? Не стесняйтесь, кушайте!

В каждую тарелку из кастрюльки, что стояла на столе, она положила по две картофелины, по куску колбасы и по кусочку хлеба. Поставив тарелки перед девчонками, она села на своё место.

– Давайте знакомиться. Зовут меня Елена Владимировна, а вас?

Девочки представились.

– Вы кушайте, кушайте, а я пока чай организую. Женщина достала из холодильника торт.

– Общежитские наши угостили, – и потом уже, разливая по чашкам чай, добавила. – Они вчера хвосты свои подчистили, на радостях торт и купили.

Комендантша Елена Владимировна, как оказалось, была не просто разговорчивой, но и очень доброй и щедрой.

– Сейчас в общежитии ремонт и я вас поселю в своем кабинете, – встретив удивлённые взгляды девочек, она быстро добавила. – Не переживайте, я себе попросторней найду. Если поступите, я эту комнату за вами оставлю. Будете жить вдвоём. Устраивает?

Довольные девчонки быстро закивали.

– Вот и замечательно! А теперь доедайте, допивайте – и будем вас устраивать.

Елена Владимировна, помимо комнаты, уступила девочкам, и кое-что из мебели. По обе стороны от окна поставили кровати, посередине – круглый стол, нашлось место и старому креслу, и торшеру с зеркалом. Получилась очень уютная, домашняя обстановка.

– Ну, что, подруга, начало хорошее. Значит, всё заладится, – весело сказала Катя, хлопая в ладоши. ...

Вступительные экзамены Катя сдала на отлично, Люба тоже неплохо, в общем, поступили без проблем.

Елена Владимировна, как и обещала, комнату оставила за ними. Мало того, её новый кабинет оказался недалеко от их комнаты. Административный туалет с раковиной и душем тоже рядом. Елена Владимировна, сделав девочкам отдельный ключ, разрешила пользоваться им и туалетом, и душем. Счастье Кати и Любы было неопишным!

– Люба, мы теперь просто обязаны хорошо учиться, чтобы не разочаровать Елену Владимировну, – не раз повторяла Катя.

Наступило первое сентября. Институт распахнул свои двери. Всех первокурсников собрали в актовом зале. Выступал ректор. Он поздравил с началом учебного года, а потом полчаса говорил о традициях института, о его престижности, и так далее, и тому подобное. В одиннадцать часов начались занятия. Прошли в большой лекционный зал. Первая лекция была для всего факультета, и все студенты ринулись с шумом вверх по лестнице, занимая места посередине. Катя с Любой сели на один из первых рядов. Катя вообще хотела сесть на первый, но Люба, сделав недовольный вид, потащила её на третий.

– Ладно, на третий так на третий, но давай не выше! Всегда будем так садиться. Имей в виду, – предупредила подругу Катя, – этот вопрос не обсуждается. Первые три курса для нас кроме учёбы ничего не существует, помнишь?

– Да, – неохотно ответила Люба.

Лекцию читал старый профессор, но, несмотря на свой возраст, весьма ещё энергичный.

Катя слушала, открыв рот: профессор читал лекцию, очень живо и интересно. В конце он дал список литературы, которую рекомендовал к прочтению. В первый день пар было три, и все лекции. Переменки девчонки просидели в аудитории, рассматривая сокурсников. Ребята были в основном худенькие очкарики, но вот девчонки – все как на подбор: хорошо одетые, разукрашенные красавицы. Мальчишки, их было в разы меньше, крутились возле сокурсниц, устанавливая первые знакомства и связи. На Любу с Катей никто не обращал внимания.

– Девчонки все высокие, как манекенщицы! Что это они так, к солнцу тянутся? – восхищённо сказала Люба, когда занятия окончились.

– Пошли в деканат за студенческими билетами, а потом – в библиотеку: учебники получить нужно. Видела, какой список я написала? Об остальном дома поговорим.

Когда прибежали в библиотеку, там была уже громаднейшая очередь.

– Когда успели набежать?! Нам здесь до вечера стоять. Я кушать хочу, – стала ныть Люба.

– Любка, помнишь, я в детдоме, в спектакле, глухонемую играла? Так вот, я притворюсь, а ты будто моя переводчица. Глухонемым без очереди полагается. Только не смейся, если хочешь быстрее домой попасть.

Девчонки двинулись к стойке, где выдавали книги.

– Граждане, пропустите глухонемую! Пропустите глухонемую! – кричала Люба, усердно работая локтями.

Люба прокладывала дорогу Кате, та, отчаянно жестикулируя и внимательно тараща на всех глаза, шла следом за ней. К спектаклю Катя выучила несколько движений, которые означали – “люблю тебя”, “жду тебя”, “прощай”. Именно их Катя сейчас повторяла раз, за разом продвигаясь к стойке. Студенты, ворча, всё же пропускали глухонемую с переводчицей. Один лишь мальчишка, перегородил Любе дорогу.

– Ты что ль, глухонемая? – держа руки в брюках, презрительно спросил он.

– Ты что, – и девушка покрутила пальцем у виска. – Она сзади!

Тут Катя, старательно тараща глаза, выдала парню весь свой словарный запас на языке жестов. И он, очевидно удовлетворённый подтверждением, пропустил девчонок. Подойдя к стойке, Люба сунула библиотекарше две студенческие книжки и два заказа на учебники. Получив книги, девушки вышли из библиотеки.

– Здорово прокатило! – смеялась Люба. – Ну, ты прямо как настоящая, – и девушка покрутила руками в воздухе.

– Я ещё не то могу! Хватит болтать, пошли обедать.

Придя в столовую и увидев цены, Катя схватила Любу за руку.

– Любка, нам такая еда не по карману.

– Ну почему?! – канючила та.

– Ты цены видела?

- Я есть хочу!
- Пошли в магазин, купим продуктов, вчерашний суп ещё остался.
- Опять этот суп!
- А что делать?

В магазине купили овощи, крупы, консервы. В честь первого сентября – конфеты и печенье. Дома на электроплитке, которую им дала всё та же Елена Владимировна, разогрели суп. Пообедав, сели заниматься. Люба хотела спать, но Катя была категорична.

- Ты видела девчонок? – Катя доставала учебники из пакета и бережно просматривала.
- Красавицы! – вздохнула Люба.

– И на нас с тобой ноль внимания, – подхватила Катя, выразительно посмотрев на подругу.

– Я даже слышала, что между собой они нас «дерёвней» называют. Нам с тобой, подруга, ещё предстоит доказать, что мы не хуже, а лучше, – подытожила она.

- А как?
- Ты смотри и отмечай, в чём они лучше нас.
- Да это и так видно!

– Ты на внешность не обращай внимания: нас с тобой приодеть – не хуже будем. Знания у них лучше, вот это сложнее. На лекциях, когда преподаватель вопросы задавал, они отвечали. Я даже не слышала о многом, а эти спокойно рассуждали. Вот это, Люба, меня и беспокоит. Я тут набрала дополнительной литературы, будем развиваться.

– Не хочу, устала я. Ночью не спалось, кое-что набросала. Почитать? – Люба засунула руку под подушку.

- Конечно, – и Катя уселась в кресло.

Люба забралась на кровать с ногами, облокотившись о стену, достала из-под подушки тетрадь и начала читать. Надо признать, что стихи она писала хорошие. Мелодичные, проникновенные. Нежный, романтический слог передавал тоску девушки по большой, светлой любви. Когда она окончила, Катя ещё несколько секунд сидела молча.

- Катя, ты чего?

Та, как бы выйдя из оцепенения, принялась хвалить стихи.

– Душу разбередила, Любка! Здорово! Ты – талантище! Девчонки узнают, умрут от зависти. Поспи часок, поспи, я пока ужин приготовлю.

Люба, укрывшись одеялом по самый нос, уснула быстро. Катя поставила в кастрюле греться воду, она намеревалась сварить макароны по-флотски. Пока грелась вода, девушка села читать. Книга «Литература Франции» была объёмной, так как включала в себя весь период развития – начиная с ранних времён и до наших дней. Катя читала взахлёб, и с трудом отрывалась на готовку. Когда, наконец, макароны были готовы, девушка с облегчением вздохнула. Взобравшись в кресло с ногами, она углубилась в чтение. В общей сложности Катя читала часа три. Люба, тем временем, хорошо выспалась. Когда она проснулась, было семь часов вечера, и к ним в дверь постучали.

На пороге стояла Елена Владимировна с тортом в руках.

– Девчонки, садимся пить чай! – скомандовала она, проходя в комнату. – Ой, как у вас вкусно пахнет, – почувствовав запах макарон с тушёнкой, воскликнула она.

- Я сварила макароны по-флотски, будете? – в ответ спросила Катя.

– С завтрашнего дня не ужинаю, – засмеялась Елена Владимировна. – Но так это ж завтра, а сегодня едим макароны, закусываем тортом! Накладывай, Катерина!

Через десять минут они втроём уплетали макароны, на десерт их ждал торт.

– Девчонки, как вам институт, однокурсники? – стала расспрашивать Елена Владимировна.

- Нормально, – уклончиво ответила Катя.

– Елена Владимировна, вот вы нам скажите, почему некоторые рождаются в городе, в хороших семьях, а таких, как мы, оставляют в роддомах? – неожиданно спросила Люба.

– Я вам, девчонки, вот что скажу, – немного помолчав, начала комендантша. – Это уж как я понимаю – прожила я на свете шестьдесят лет, кое-что повидала. Так вот, за некоторые заслуги родителей их детям Бог авансом даёт сразу некоторые блага. Но, повторяю, авансом, как бы в долг, который они должны оправдать своей дальнейшей жизнью. Не оправдают – всё заберут. А другим детям, ну, родители, которых особо не старались для них что-то хорошее сделать, авансом Бог ничего не даёт. Им, бедолагам, всего самим добиваться нужно. Вы, милые мои, ко вторым относитесь.

– Да уж, не повезло нам с родителями, – печально заключила Люба.

– Ничего, родные мои, я в вас верю, всё у вас будет хорошо!

– Елена Владимировна, а Люба стихи замечательные пишет. Люб, почитай, – обратилась к подруге Катя.

– Что, правда, что ли? – радостно всплеснула руками комендантша.

Люба достала свою тетрадку и начала читать. Она читала минут двадцать, Елена Владимировна даже расплакалась. Когда девушка закончила, комендантша, воскликнула:

– Родненькая ты моя, молодец! – и она обняла Любу. – Повезло тебе с родителями: смотри, какой подарок сделали! Только ты, милая, с умом своим талантом распорядись. Он тебе может славу и богатство принести, а может и горем обернуться.

– Как это? – почти одновременно спросили девушки.

– А вот так, милые, талант – он как вино, голову кружит, а с нетрезвой головой добру не бывать.

Тут Елене Владимировне позвонили, и она ушла. Так началась самостоятельная жизнь для двух детдомовских девчонок....

Глава 3

В один из дней группа, где учились девочки, осталась после занятий, чтобы избрать старосту. Мнение Любы и Кати никто не спрашивал, на собрании они сидели, составляя лишь кворум. Катя, обычно смелая и решительная, в институте почему-то терялась.

Старостой избрали красавицу Олю. Сокурсницы её считали таковой, хотя природные данные у неё были на много хуже, чем у Кати, но умение краситься и со вкусом подобранная одежда делали её весьма привлекательной. Оля восприняла назначение, как давно решённый вопрос, и потому сразу стала командовать.

– Товарищи! – начала она. – Не расходимся, заполняем анкеты! Ректорат заводит на каждого досье, будет организована слежка, прослушка и другие шпионские штучки. Прошу отнестись ко всему без паники, с должным пониманием. Мы с вами теперь – собственность института, и он вправе поступать по-своему усмотрению. Бунтарей просят освободить помещения института.

Ольга упражнялась в ораторском искусстве, набирая очки перед группой. Раздав всем анкеты, вспомнила про Любу с Катей. К ним подошла в последнюю очередь и со словами:

– Дамы, – высокомерно вскинув голову, начала она. – Будьте так любезны, заполните эту, оскорбительную для ваших персон, бумагу, – и она, раскланявшись, положила перед девочками анкеты.

Мальчишки ржали, как кони. И вдруг Катя ответила.

– Презренная! Ты как подаёшь прошение о твоём помиловании? Ноги целуй, ноги! Иначе тебя ждёт виселица!

Всё было сказано таким суровым, властным тоном, так правдоподобно Катя выставила вперёд ногу для поцелуя, что Ольга растерялась. Несколько минут в аудитории воцарилась гробовая тишина.

Первой очнулась Люба и стала хихикать. Опять заржали мальчишки. Но Ольге было явно не до смеха, похоже, она была оскорблена.

– Вольтер, «Королева Мария», – отчеканила Катя.

Резко развернувшись, Ольга отошла к подружкам. Они стали о чём-то шушукаться. А Катя и Люба тем временем заполнили анкеты и, положив их на парту перед Олей, вышли из аудитории. Лишь в коридоре, оглянувшись и убедившись, что они далеко отошли, Люба позволила себе сказать.

– Ну, ты, Катька, даёшь! Молодец! Здорово ты её!

– Да уж, она мне этого не простит!

– Ладно, не впервой, переживём.

С этого дня Ольга объявила войну Кате. Назавтра уже все в группе, похоже и на факультете, знали, что девочки детдомовские. Катя постоянно ощущала на своей спине презрительные взгляды сокурсниц. До неё не раз доносились слова: “надо быть осторожней, все детдомовские не адекватные”, или “ну что вы хотите от девиц, чьи родители неизвестно кто – там, сброд всякий”. Девушку всё это больно ранило, но она не показывала вида, что к ним это как-то относится. Лишь подушка-подружка знала, как тяжело живётся девушке. В то же время, Катя не раз просила Любу не поддаваться на провокации.

– Мы не должны опускаться до скандала и дать им возможность от души поиздеваться над нами. Наше равнодушие – залог нашей победы, – говорила она.

Катя стала усиленно заниматься, понимая, что её пробелы в знаниях – на руку Ольге и её подружкам. В читальный зал девушка ходила как на занятия и зачастую оставалась там до закрытия. Под постоянным прессингом гранит науки постепенно стал разрушаться, и вскоре, превратившись в пыль, осел в голове девушки, и, как следствие, Катя стала отличницей. Она

не забывала и о подруге, которая не была поклонницей учения, зато писала талантливые стихи. Катя отнесла несколько её стихотворений в редакцию университета. Стихи напечатали, но на последней странице в самом углу, где их можно было найти с большим трудом.

– Любка, не расстраивайся, я сейчас пойду и во всём разберусь, – Катя успокаивала, плачущую подругу. – Им не удастся загубить талант. Этого я им уж точно не позволю.

Катя побежала в студенческую редакцию. Постучав и не дождавшись ответа, она открыла дверь и вошла в небольшую по размерам комнату. Бросив: “Здрасьте”, – и, вновь не дождавшись ответа, Катя прошла к столу в углу. На столе лежала громадная стенгазета над которой склонились две девушки. Одна из них что-то писала, другая – рисовала.

– Девчонки, не подскажите, как мне найти редактора?

– Слепая, что ли? – не поднимая головы, бросила та, что рисовала.

– С чего это ты?! – огрызнулась Катя.

– А с того, что на двери сбоку табличка. Читай!

Катя бросила взгляд в сторону, и действительно: на стене висела табличка, указывающая кабинет редактора. Дверь была в тон обоев стены и совсем не бросалась в глаза.

– Боже мой, какая маскировка! От кого прячетесь? – бросила Катя, собираясь с духом, прежде чем постучать.

– От таких, как ты, – уже в спину Кати бросила всё та же девушка.

Постучав, но не дожидаясь ответа, Катя решительно открыла дверь.

– Можно войти, Сергей Петрович? – спросила она, заглянув в кабинет.

За большим столом, заваленным бумагами, сидел мужчина. Он показался Кате немолодым. Мужчина поднял голову и посмотрел на неё. Это был сам редактор их студенческой газеты. Обычно он не принимал посетителей после обеда, но, увидев Катю, не смог отказать. На ней была узкая юбка до колен, которая изящно подчёркивала красивую округлость юных бёдер, скромный чёрный свитер хоть и был свободным, но всё же не мог скрыть красивого разворота плеч девушки и высокой лебединой шеи. Ко всему прочему, Катя была стройная и высокая, красивое лицо обрамляли прямые каштановые волосы, струящиеся по плечам. Редактор прервал своё занятие и, облокотившись на спинку кресла, залюбовался девушкой. ” Судя по всему, она не знает, что красива, потому как использует методы дурнушки, проявляя чрезмерную серьёзность и напористость, свойственную последним”, – это первое, что пришло ему на ум. Катя, действительно, имела воинствующий вид, который проявлялся во всех её действиях: в том, как решительно она распахнула дверь кабинета, и в том, как не дождалась приглашения войти. Конечно же, подобное поведение не вязалось с хрупкостью девушки, но зато вызвало любопытство Сергея Петровича, и он вежливо ответил.

– Прошу вас, – и доброжелательная улыбка озарила его немолодое лицо.

Быстрым, решительным шагом Катя прошла к столу и положила перед редактором свежий выпуск студенческой газеты последней страницей вверх, как раз той, где были опубликованы фельетоны, анекдоты, и среди этой, как считала Катя – безделицы, и располагались стихи Любы.

– Это что за безобразие? – первое, что сказала Катя, нависая, как скала, над столом.

– Здравствуйтесь, – мягко улыбаясь, произнёс Сергей Петрович. – Прошу вас, садитесь! – и он указал девушке на стул рядом.

– Здрасьте, – ответила Катя, немного смущаясь от того, что слишком резко начала. Редактор был пожилым мужчиной и заслужил уважения, хотя бы к своему возрасту. Это было её убеждением, и она всегда старалась быть сдержанной и вежливой с пожилыми людьми. Сегодняшняя вспыльчивость была исключением.

– Так что конкретно вас беспокоит? – продолжил редактор, беря в руки газету и мельком просматривая заголовки статей.

– Почему вот эти стихи напечатали в разделе анекдотов? – сдерживая эмоции, произнесла Катя.

Прошло несколько секунд, пока редактор прочитал стихи.

– И всё же мне не понятно ваше беспокойство, – он снял очки и вновь доброжелательно посмотрел на Катю.

Тут пришло время удивляться ей самой.

– Вы что, хотите сказать, что стихи бездарны и что у вас пишет каждый первый? – возмущённый взгляд Кати почти обжигал Сергея Петровича.

– Да, милая, да! И не тратьте на меня, старика, огонь страсти ваших прелестных глаз, – редактор тяжело вздохнул. – Если бы я был молод. ... Но увы! Так на чём мы остановились? ... Это, дорогая вы моя, литературный факультет, – редактор жестом указал на стены, – и здесь действительно пишет каждый первый. Таков профиль института, и ничего с этим не сделаешь. Более того, скажу я вам: пишут весьма талантливо, и это тоже правда. Что касается ваших стихов...

– Это стихи моей подруги, – Катя не желала перебивать, но всё же она поторопилась внести ясность, будучи весьма честной.

– Так вот, стихи вашей подруги, – продолжил редактор, – весьма посредственные, хотя не лишены юношеской свежести и оригинальности, что само по себе завораживает, но стиль слишком банален.

Катя во все глаза смотрела на редактора, ловя каждое его слово, и старалась понять смысл его витиеватых фраз, но ей это не удавалось, и весь её вид свидетельствовал об этом. Сергей Петрович заметил, что девушка не понимает его, и по-отечески стал разъяснять.

– Одно дело, дорогая моя, сказать: “Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты...”. И совсем другое:” Фрося, с красным от мороза носом, показалась из-за угла”. Совсем разных девушек нарисует твоё воображение. Не правда ли?

Катя кивнула головой в знак согласия.

– Поэзия, в особенности любовная, не терпит реалий жизни. Совсем другими понятиями апеллирует она. Воздушными, восторженными, я бы даже сказал мистическими. Но твоя подруга не лишена литературных способностей. Было бы нечестно утверждать обратное. Ей надо развивать вкус.

– Вы говорите правильные вещи, хотя не соответствуете им. Разрешите, – Катя забрала газету из рук редактора и, открыв первую, титульную страницу, вновь вернула её редактору. – Прочтите! И это вы называете поэзией, располагая на первой странице?!

Похоже, редактора интересовала только фамилия автора, которая красовалась под стихотворением, потому как он быстро ответил.

– Это стихи дочки ректора института. Вполне сносно. Девочка стоит у истоков творчества.

– Да?! А это чьи стихи? – не унималась Катя, ткнув на ряд стихов. – Можете не отвечать. Дочери декана, заведующего кафедрой, и так далее. Катя возмущённо перечисляла высокопоставленные должности. Вдруг неожиданно она замолкла и тяжело вздохнула.

– Мы с подругой детдомовские, из глубинки. Значит, ей надеяться не на что? – Катя с надеждой посмотрела на редактора. Почему-то он показался ей добрым, и ей захотелось поделиться с ним сокровенным. Она не ошиблась: Сергей Петрович был из когорты старых порядочных людей, и он не мог не заметить отчаянного призыва девушки о помощи, потому доброжелательно ответил.

– Что поделаешь, дорогая, такова правда жизни. Облегчает жизнь блат или наличие богатых родителей. У вас нет ни того, ни другого. Трудно вам придётся в жизни, но сдаваться не надо. Твоей подруге надо читать побольше, чтобы сформировать свой особый стиль. Читать Пушкина, Лермонтова, Байрона. И побольше писать. Обещаю, в следующий раз я помещу

её стихи на первой странице, но... только это мало что изменит, – теперь уже тяжело вздохнул сам редактор. – Единственное, что могу посоветовать твоей подруге: начать писать прозу. Авось повезёт, по её пьесе поставят спектакль или кино снимут, – Сергей Петрович ещё что-то хотел добавить, но в кабинет заглянула та самая девушка, которая нагрубила Кате, и напомнила редактору, что через десять минут совещание у ректора. Сергей Петрович стал прощаться:

– Увы, милая! Рад был бы помочь...

Выходила Катя от редактора расстроенная. То, что в институте стихи пишет каждый первый, стало откровением для неё. Она искренне считала, что писать стихи – это редкий божий дар, и ему вовсе не надо учиться. Стихи идут из души, и ими нельзя управлять. И потом, она страстно желала, чтобы её подруга стала знаменитой, богатой и утёрла нос всем тем, кто презирает детдомовских. “Ничего”, – успокоила себя Катя. “Надо заниматься – значит, будет заниматься. Люба должна стать знаменитой, и она будет ею, чтобы мне это ни стоило”. По дороге домой она зашла в библиотеку и взяла томик стихов Байрона в переводе Пастернака. Катя была решительно настроена на борьбу, но, когда она вернулась, Любы в комнате не было. На столе её ждала записка: “Пошла погулять”. Сердце Кати учащённо забилося в предчувствии чего-то нехорошего. Уже несколько дней Любу обхаживал старшекурсник Степан, который был известен в институте, как “мажористый мальчик”, недавно вернувшийся из Франции, куда его отправляли на учёбу родители, и который, попав там в какую-то заварушку, был экстренно переведён в качестве наказания в их институт. Вначале он пытался ухаживать за Катей, но, получив отпор, принялся за Любу. “Зря я ей не рассказала, как он ко мне клеился. Она, дурочка, подумает, что он в неё по-настоящему влюбился. Бедная, такая ещё доверчивая: людям всем верит, а всё от того, что любви жаждет, которой обделена с рождения”. У Кати на глаза навернулись слёзы, но она взяла себя в руки и, усевшись с ногами в кресло, открыла томик Байрона.

Люба пришла домой поздно.

– Ты где была? – Катя не спала, – дожидаясь подругу, успела и позаниматься, и приготовить обед на завтра.

– Твоё какое дело? – огрызнулась Люба. Она была явно не в духе.

– Не хочешь говорить – не надо. Есть будешь?

– Сыта, – Люба, раздевшись, легла на свою кровать.

Катя тоже не стала задерживаться и легла. О разговоре с редактором она решила рассказать подруге завтра, когда та будет в состоянии здраво мыслить. Но Любе явно не спалось. Она ворочалась, а затем и вовсе встала, чтобы попить воды. Уже в кровати она вдруг неожиданно спросила:

– Ты спишь?

Катя понимала, что время позднее, а завтра рано вставать, но волнение подруги её беспокоило, и она ответила.

– Нет.

– Кать, почему он так со мной?

– Кто?

– Степан. Он меня пригласил на вечеринку.

– Куда?

– Не переживай, не к себе домой. У одной его знакомой был день рождения. Поначалу всё было хорошо, мы вместе танцевали, он при всех меня обнимал... Потом пришла эта, – Люба замолчала и Катя услышала посапывание, что означало – Люба плачет.

– И что? – Катя задала вопрос, чтобы отвлечь подругу.

– Он на неё переключился. Представляешь, как будто не со мной пришёл! Меня вообще перестал замечать. Просто открыто игнорировал, словно я пустое место. Я как идиотка там

сидела. Никто со мной не разговаривает, никто танцевать не приглашает, даже за стол не позвали.

– И ты сидела и всё это молча сносила? – от возмущения Катя села на кровати.

– Нет, конечно. Я ушла.

– Ну, слава Богу! Догадалась все же! А почему тогда так долго?

– У меня денег не было, пешком три квартала шла. Шла и всю дорогу плакала. Катя, ну чем я не такая? Почему меня все бросают?

– И слава Богу, что они тебя бросают. Любка, когда же ты прекратишь влюбляться во всякие брюки?! Пойми, дурочка: не всякий, кто на тебя посмотрит, серьёзно увлечён тобой, и ты ему нравишься. Смотрят от нечего делать, от своей испорченности, влекомые инстинктом в конце концов. К любви это не имеет никакого отношения. Ты должна знать себе цену, иметь женскую гордость!

– Мне цена – ноль! Маленькая, страшненькая... Знаешь, как меня в школе называли? “Подружка первой красавицы школы”. Первая красавица – это ты. Как я тебе завидовала!

– Не говори глупости! За тобой полшколы мальчишек бегали.

– Конечно. Сперва они за тобой ухлёстывали, но ты же у нас гордая – всем отказывала. Я их после тебя подбирала, – Люба зло бросала слова, словно камни, стараясь не промахнуться. – За это я тебя так ненавидела, хотела прямо убить или покалечить!

– Не говори глупости. Я тебе не верю, – голос Кати был мягок и спокоен, что ещё больше раздражало Любу.

– Наивная дура! Ты меня плохо знаешь: если сейчас не перестанешь, я точно тебя убью, – Люба для большей убедительности схватила вазу со стола и замахнулась на Катю.

Та аж оторопела, не зная, как реагировать, но говорить всё же перестала и для страховки, чуть погодя, встала с кровати и вышла в туалет. Катя не обиделась на Любу, стараясь понять её. “Что сказать, в довольно унижительную ситуацию она сегодня попала. И я ещё тут со своими нравоучениями. Нет, чтоб поддержать, как-то успокоить! Бедная девочка”, – жалея Любу и стыдясь своего поведения, Катя, немного погодя, вернулась в комнату. Ваза стояла на столе, Люба, свернувшись калачиком, лежала на кровати.

– Прости меня! – это первое, что сказала Катя, войдя в комнату и садясь на свою кровать.

– Это ты меня прости! – уже совсем другим тоном ответила Люба.

– Не знаешь ты себе цену, дурёха. У тебя есть главное – талант, а красота – это самый скоропортящийся капитал. Да, да! Не смотри так удивлённо на меня. Знаешь, что мне сказал редактор? Он сказал, что стихи твои замечательные. Тебе только нужно немного подучиться.

– Опять учиться! Не хочу! Ты только и делаешь, что заставляешь меня учиться. Надоело! – с раздражением бросила Люба.

Катя, стараясь смягчить ситуацию, быстро добавила.

– Учиться – это значит больше читать стихи известных поэтов. У тебя вкус разовьётся, слог улучшится.

– А говоришь – понравились! Вон сколько замечаний. Ничего ты, Катя, в жизни не понимаешь. Главное для женщины – удачно выйти замуж. За богатого.

– Нужна ты богатому, как козе баян. Женщина, к твоему сведению, имеют тенденцию стариться. А богатому только молодая нужна, так что он своих жён чуть ли не каждый год меняет. Самое главное для нас – стать независимыми, чтобы тобой интересовались, а не ты ими. А для этого надо профессию обрести, квартиру купить, тогда и счастье на горизонте забрезжит.

– Насчёт квартиры ты права. Свою иметь – это хорошо. Но она сколько стоит! – Люба тяжело вздохнула.

– Станешь известной, по телевизору начнут показывать – разбогатеешь. ...

Подруги сидели, каждая – на своей кровати, и разговаривали. На дворе стояло начало лета. Шторы на окне были раздвинуты, и луна, до этого прятая за тучи, вышла и теперь,

словно третья подружка, любопытно заглядывала в окно. Она бросала светлые блики на разговаривавших, и, словно в благодарность за разрешение слушать, красиво освещала тонкие, точёные черты лиц девушек и изящные изгибы их стройных тел, которые просматривались через ночные рубашки.

Глава 4

Первый курс закончили на «ура». Декан факультета предложил девушкам на летних каникулах поработать секретарями в приёмной комиссии. Девчонки ликовали. Работа чистая, до четырёх часов дня, потом – свобода. Но Люба радовалась, как оказалось, напрасно.

Сегодняшний день был особенно жарким, и после работы совсем не хотелось идти в пустое общежитие. Все жильцы разъехались по домам на каникулы, и свою обделённость девчонки чувствовали особенно остро.

– Я схожу в магазин за продуктами, ты иди домой. Покушай и приберись. Я скоро буду. Вечером ходим в кино, – Катя решила подбодрить подругу обещанием сходить в кино.

– Ладно, – с недовольным видом Люба отправилась в общагу.

Катя тем временем чуть ли не бегом побежала совсем в противоположную сторону, где находилась нужная ей остановка. А собиралась она съездить в театр. Таких в городе было целых два. Один – драматический – располагался в красивом старинном здании, которое само по себе представляло историческую ценность в связи с тем, что было построено более ста лет назад. Постепенно район театра застраивали только административными зданиями, такими как большая центральная библиотека, рядом был театр оперы и балета, чуть поодаль – и сам университет. Одним словом, театр, в достойном окружении, стал культурным центром города. Катя вышла на нужной остановке и пошла к зданию театра.

А Люба пришла в общежитие и угрюмо осмотрелась по сторонам. ” Всю жизнь одно и то же. Комната в детдоме, теперь комната в общежитии. До чего же всё осточертело!”, – она упала на кровать и раскинула руки. “Зря я Катюшку слушаю. Так вся молодость пройдёт, и останемся мы с ней две старухи никому не нужные. Две старые училки! Без дома, без мужа, без детей. Надо мне лучше за Светку держаться. Она мне вчера своего “папика” показывала. Ну и что, что старый и толстый? Зато как её одевает, машину купил, обещает квартиру! Катюшка прибежала, накинулась на неё:” Не развращай, говорит, мне подругу”, – Люба изменила голос, передразнивая Катю. “Дура Катюшка, всю жизнь мне загубит. Я тоже хороша! Кто она такая, чтобы мне приказывать, указывать, что делать?”, – перебирая в памяти события дня, она незаметно уснула.

– Подъём! – возле кровати стояла Катя.

Люба спросонья еле открыла глаза.

– Ты что, уже пришла?

– Пришла. А ты, между прочим, и не прибралась, и не поела, – Катя ворчала, двигаясь по комнате. Поставив разогреваться кастрюлю с обедом, она взялась за тряпку. – Пыли-то сколько, могла бы протереть. ... Кино сегодня отменяется. Они продлили на несколько дней вчерашний фильм, только на следующей неделе сменится репертуар.

– У тебя вечно так! – расстроенная Люба сидела на кровати, обхватив коленки руками.

– Я тут при чём?

– А при том, что только и носишь плохие новости.

– Ничего подобного! У меня хорошая новость. Вот сядем обедать, расскажу.

Разлив по тарелкам суп и нарезав хлеба, Катя торжественно объявила.

– Пора тебе выходить в свет.

Люба радостно хлопала в ладоши.

– И куда я пойду?

– Ты – никуда, пойдёт твой талант!

– И куда же он пойдёт?

– В театр, дорогая моя! В театр! Летом труппа уезжает на гастроли. К твоему сведению, я узнавала, этим летом у них тур по Европе. Ты представляешь?

– Чего радуешься, нам то что?! – в сердцах сказала Люба.

– До тебя доходит как до жирафа, – одёрнула её Катя. – Ты к сентябрю должна написать пьесу. И не простую, а талантливую! Если им понравится, то они захотят её поставить! Всё, дорогая! Путь к славе тебе открыт! Понимаешь? – радостно кричала Катя, словно сказанное было реальностью.

– Её ещё написать надо, ты думаешь, у меня получится? – пессимистически спросила Люба.

– Я просто уверена! А ты уж постарайся. Вспомни какой-нибудь случай из детдомовской жизни. Ну, хотя бы этот. Помнишь Ирку, которая в десятом классе родила? Её ещё все учителя стыдили, на аборт отправляли, а она всё равно родила. В школу вместе с ребенком приходила. Технички в коридоре коляску катали, пока она на уроках сидела. Мальчишки дразнили, учителя гнобили, один лишь директор поддержал её. Мы с тобой тогда в седьмом классе учились. Помнишь? Она школу окончила, в институт поступила. Закончив, в ту самую школу преподавателем вернулась. Чем не история? Ты приукрась, всё получится.

– Помню я эту историю. Сама за ребёнком весь урок смотрела. Меня техничка, тогда за руку поймала, говорит:” Выручи, мне полы домыть надо”.

– Замечательно! Попробуй.

– Постараюсь.

Катя, создала все условия Любе для творчества. Готовку, уборку, магазин – всё взяла на себя. После работы в институте – бегом в общагу.

Однажды, возвращаясь домой из магазина, Катя вновь увидела его: парня, высокого и симпатичного. Как и в прошлый раз, зимой, он, почему-то прячась, следил за ней. Парень показался девушке знакомым, хотя она могла и ошибаться. Тогда, зимой, он три дня ходил за ней, а потом куда-то исчез. Сейчас вновь объявился. Катя повернулась лицом к парню и в упор стала на него смотреть. Тот, очевидно, понял, что его разоблачили, и, перестав скрываться, смело подошёл к девушке. Каково же было её удивление, когда подошедший парень, оказался её одноклассником Сергеем, – тем самым молодым человеком, который тщетно ухаживал за Катей в школе.

– Катюша, здравствуй, – робко поздоровался Сергей.

– Серёжка! – обрадовано воскликнула Катя. – Ты что здесь делаешь? – Я тебя не узнала. Возмужал, какой-то серьёзный стал, очки. Ну, прямо Джеймс Бонд! Ты в Новосибирске учишься?

– Нет, учусь я в Москве, в медицинском. А ты в педагогическом институте?

– Да. Тогда что ты здесь делаешь? – с любопытством спросила девушка.

– Я так, – замаявшись, ответил Сергей, а потом добавил. – Проездом.

– Что-то часто ты здесь проезжаешь, – засмеялась Катя. – Пойдём к нам в общагу, чайку попьём.

– Можно? – обрадовался молодой человек.

– Конечно, мы с Любкой в комнате вдвоём живём.

Люба тоже обрадовалась Сергею: как-никак одноклассник. По дороге Сергей купил торт. Катя сварила готовые пельмени, сначала поели их, затем с тортом попили чай. Катя заставила Любу почитать стихи, та поломалась для приличия, а потом без остановки читала целый час. Люба была из тех девушек, которые хотят нравиться всем. И сейчас она для чтения выбирала стихи, особенно удавшиеся, как казалось ей. Все они были про любовь.

Охваченный любовно-лирическим настроением, навеянными стихами, Сергей не сводил глаз с Кати, а когда она пошла провожать его, то признался, что приезжает в Новосибирск только чтобы увидеть её. Кате, конечно, как девушке, была приятна его преданность, и сама она частенько вспоминала о нём, он ей даже снился, но она никак не могла принять, ни его,

ни свою любовь, считая подобные чувства по отношению к ней неприемлемыми. Возможно, она просто идеализировала любовь, считая, что любить можно только высокообразованных, каких-то особенных людей. Себя она к ним не относила.

Два месяца каникул пролетели быстро. Катя за это время успела прочитать много умных книг, Люба написала пьесу. Второй курс начали с воодушевлением.

Вместе отнесли пьесу художественному руководителю драматического театра. Это был мужчина, которому на вид можно было дать больше шестидесяти лет, но держался он по-молодецки. Не сутулился, был спортивного телосложения, весь такой импозантный, хорошо одетый. Волосы, правда, довольно сильно тронуты сединой, морщины над переносицей свидетельствовали о серьёзности, выступающий подбородок – о властности натуры. Девушек принял с усмешкой.

– Первую пьесу – и сразу в театр? – иронично заметил он.

– Пьесы, они для театра и пишутся, – нашлась, что ответить Катя.

Он с интересом, даже с какой-то радостью, словно увидел знакомую – посмотрел на Катю, и пьесу оставил у себя.

– Девчонки, загляните, ну, скажем через недельку – в пятницу. Вас устраивает?

– Вполне, – ответила Катя, и они вышли из кабинета.

– Какой мужчина! – восхищённо заметила Люба.

– Ты что, старый же!

– Обратила внимание на правую руку? – продолжила разговор Люба.

– Рука как рука.

– Кольца нет, значит, не женат. Это хорошо!

– Это означает всего лишь то, что он либо пьяница, либо гуляка! В таком возрасте все приличные мужчины должны быть женаты, – категорично заметила Катя.

В пятницу, в назначенное время, девушки уже были у художественного руководителя. Увидев их, он, радостно всплеснул руками и пошёл им навстречу.

– Проходите, проходите, молодые таланты! – любезно начал он.

– Талант среди нас один, – и Катя пальцем указала на рядом стоящую Любу. – А я так, греюсь в лучах чужой славы.

– Тепловые процедуры, знаете ли, полезны для здоровья! – соригинальничал худрук.

– Проходите девочки, проходите, – продолжал он суетиться.

Девушки прошли и сели на диван.

– Чай, кофе?

– Дело! – тоном, не требующим возражений, остановила его Катя.

– Ну, дело так дело. Мы, наш театр, в качестве эксперимента готовы поставить пьесу, – и он замолчал, уставившись на девчонок.

Услышав эти слова, Люба взвизгнула и захлопала в ладоши. Она была на седьмом небе от счастья и уже намерилась встать и уйти, наивно полагая, что разговор окончен.

– Значит, вы готовы. Но вот Люба не готова без контракта отдать её вам, – вступила в разговор, Катя.

– Какой контракт, девчонки, вы с ума сошли? Пришли с улицы, сунули филькину грамоту, и вам ещё контракт подавай!

– Да! Двадцать процентов от продажи билетов, представление автора, зарубежные гастроли с её участием, – стала перечислять Катя.

Художественный руководитель рассмеялся.

– Да вы что! Это грабёж! Больше двух процентов от выручки не дам. Могу предложить сотрудничество в течение двух лет, – поймав удивлённые взгляды девушек, пояснил, – то есть, если она напишет ещё пьесу в течение этого времени, то мы её поставим.

– Пьесу верните, пожалуйста, в стране много театров, – не уступала Катя.

– Хорошо, первый год десять. По рукам!

Катя пожалела, что не зашла к юристу, прежде чем относить пьесу, но сейчас, испугавшись, что своей чрезмерной напористостью вызовет раздражение худрука и он от пьесы вовсе откажется, поспешно произнесла.

– По рукам. Наши юристы подготовят соответствующие документы, завтра в это же время и подпишем. Согласны?

– Согласен, – сказал он, с восхищением отметив деловые качества Кати.

Проводив девушек до двери, он придержал Катю за локоть.

– Ты чертовски хороша, и столь же умна! Позвони мне. Я буду ждать, если ты, конечно, хочешь, чтобы пьесу поставили, – шёпотом произнёс художественный руководитель и сунул визитную карточку в ладонь девушки.

– Судьба подруги отныне в твоих руках, – на прощание сказал он.

– Не позвоню! – резко ответила Катя, возмущённая намёками, и высвободила локоть, но визитку всё же зажала в ладони. Люба шла впереди и не слышала этого разговора.

Выйдя на улицу, Люба стала благодарить подругу.

– Катюш, спасибо! Что бы я без тебя делала!

– Любка, ты теперь, пожалуйста, не ленись. Сегодня же садись и пиши.

– Опять писать... – Люба капризно поджала губы. – Я уже обо всём написала. У меня нет больше мыслей. Катя, может, хватит уже? Пьесы в театрах по многу лет ставятся. Мне бы только квартиру купить – и всё.

– Ты что?! В своём уме?! На квартиру ей хватит! А дальше что? Кушать, между прочим, всегда хочется. Детишки будут – их кормить надо.

– Их пусть муж кормит. И потом, когда ещё они будут! Невезучая я в любви, – Люба тяжело вздохнула.

– Вот что, подруга, пока я жива – ты будешь писать. Я не позволю тебе губить свой талант, – строго сказала Катя, но, заметив сдвинутые к переносице брови подруги, уже другим тоном продолжила. – Ну что ты, Любка, работа чистая. Сиди себе и пиши. А насчёт тем – придумает что-нибудь.

Катя не предала значения тому, что худрук недвусмысленно ей предложил, но решила визитку попридержать.

На следующий день они вдвоём с Любой пришли в юридическую контору. Молодой юрист встретил девушек с радостью. Он подробнейшим образом объяснил Любе её права и обязанности театра по отношению к ней. Многозначительно улыбаясь, он быстро подготовил необходимые документы, но отдавать их не спешил. Протянув какой-то бланк, он сказал:

– Договор готов, и вы, Люба, можете его прочесть. А вы, девушка, – он обратился к Кате, – сходите, пожалуйста, и оплатите услуги. Касса на первом этаже.

Катя молча взяла бланк и спустилась к кассе. Счёт оказался на сумму в три тысячи рублей, что очень расстроило её. Первым её желанием было подняться к юристу и спросить его, что такого он сделал на три тысячи за пятнадцать минут, но она пересилила себя и молча заплатила, решив, что не стоит первый успех омрачать скандалом. Взяв чек, она вернулась к юристу.

Люба сияла от счастья. Во сколько обошёлся договор, она даже не поинтересовалась. Приехав в театр, они не сумели попасть к художественному руководителю. Секретарша сказала, что его нет на месте, и попросила оставить договор у неё.

– Девочки, вы зря торопитесь, – секретарша ехидно улыбнулась. – Такие дела быстро не делаются. ...Если, конечно, вы не дети высокопоставленных чиновников, – многозначительно добавила она. – Ждите. Вам сообщат.

Катя и Люба оставили документ секретарше и вышли на улицу.

– Что она имела в виду, говоря "дети высокопоставленных чиновников"? – задала вопрос Люба.

– Чёрт её знает! Не морочь себе голову, – успокаивая подругу, сама Катя серьёзно расстроилась. Она вспомнила слова редактора студенческой газеты, который тоже говорил о подобных вещах.

Вечером, сидя за столом, Люба стала жаловаться, что ей нечего надеть.

– Кать, не обижайся, но первой мне надо хорошо одеться. Как я покажусь зрителю? У меня нет ни одного приличного платья!

Катя молча ела суп.

– Ты не переживай, вот получу первый гонорар всё тебе отдам.

– Ничего мне не надо. Пообедали, садимся заниматься.

– А как насчёт платья? – не унималась Люба.

– Я что-нибудь придумаю. Доставай учебники.

– Ты занимайся, а я попишу. Ты же сама говорила!

– Ну, хорошо, – Катя сразу сдалась, понимая, что Люба все равно найдёт причину не заниматься, так пусть хоть пишет.

Два часа потратили, чтобы найти тему. Когда тема была выбрана, часы уже показывали семь вечера.

– Я лягу, посплю. Мне ночью лучше работается, – Люба была неисправима в своей лени. Она улеглась на кровать и, укрывшись одеялом, тотчас заснула.

Глава 5

На следующий же день Катя поехала в бюро трудоустройства. Уборщицы требовались везде, потому работу она получила без проблем. Работа была на химическом заводе, сменная, и Кате приходилось бы пропускать занятия, но зато она хорошо оплачивалась. Это было главным для Кати, потому такие неудобства как дальнейшее расположение завода, большой объём помещений, которые нужно было мыть, в расчёт не принимались. Помимо учёбы и работы Катя взвалила на себя и готовку еды, хождение по магазинам за продуктами. Любе были обеспечены все условия для творчества.

Втайне от Любы, Катя отправила пьесу и в театры других городов. В самом только их городе было два театра. В одном, куда они отнесли договор, упорно молчали. Во второй – молодёжный театр, ей пришлось несколько раз приезжать и подолгу сидеть, ожидая своей очереди на приём к администрации, хотя все её старания в итоге оказались тщетными. Рукопись пьесы у неё даже не приняли.

– Девушка, у нас нет времени читать всё, что нам приносят, – открыто сказал директор. – Если бы вы были членом союза писателей или ваша пьеса являлась бы лауреатом какой-нибудь литературной премии – тогда да, прочли бы. А так... Извините.

Из театров в других городах ей тоже отвечали отказом, даже не удосуживаясь его прокомментировать. Катя обратилась за помощью к редактору их студенческой газеты. Тот внимательно выслушал её, но ответ его не был оригинален.

– К сожалению, у меня нет знакомых в администрации театров. Вам, дорогуша, нужен куда более состоятельный протектор. Уж извини.

– Как же так?! – негодуя возмутилась Катя. – Молодым, талантливым у нас в стране не пробиться? Откуда у них в их возрасте связи или деньги? Сами подумайте!

– Ничем не могу быть полезен, – развёл руками редактор.

Каждую неделю по поручению Любы, Катя ездила в театр, где у них взяли пьесу, но дальше этого дело не шло. Секретарша, многозначительно улыбаясь, раз за разом отвечала Кате одно и то же: “Ждите”. Настроение Любы падало с каждым днём, и она начала хандрить. Ни о каком сочинительстве речи не могло быть. Она не ходила на занятия в институт, а целыми днями лежала на кровати.

– Люба, встань, поешь! – уговаривала её Катя.

– Не хочу, – и в который раз одно и то же: – Катя, ну почему я такая невезучая? Стараюсь, стараюсь и всё напрасно. Ну почему? Другие пальцем не пошевелият, а у них всё есть. Чем я хуже их?

Вступать в полемику Кате совсем не хотелось. Она очень уставала. Работа, учёба в институте, посещение всевозможных приёмных в надежде пристроить пьесу, домашние хлопоты, которые игнорировала Люба, – все это изматывало Катю основательно. Ей удавалось поспать не более четырёх часов в сутки. Катя похудела, осунулась, но звонить худруку не спешила, прекрасно понимая, что он потребует взамен. Она ещё надеялась на чудо. Катя решила пойти на приём к министру культуры их города. Записавшись на приём и прождав неделю, в один из рабочих дней она наконец-то открыла дверь кабинета министра. За столом торжественно восседала седая женщина лет пятидесяти. Катя обрадовалась. “Наверняка свои дети есть, должна понять”, – огонёк надежды зажгётся в её сердце. Катя подробно рассказала о том, что Люба пишет и стихи, и прозу, и что одну пьесу художественный руководитель их местного театра похвалил и взял для постановки, но уже как четыре месяца избегает встреч и не подписывает контракт о сотрудничестве, который сам же и предложил. Министр холодно спросила:

– Что вы от меня хотите?

– Походатайствовать о пьесе, чтобы дело сдвинулось с мёртвой точки.

Министр выслушала просьбу Кати, но к рукописи даже не притронулась.

– Где, говорите, учится ваша подруга?

– На филологическом.

– Окончила?

– Нет, – просто ответила Катя.

– Тогда что вы, голубушка, хотите? Писательство – это мастерство, ему надо много и упорно учиться. Я знаю Константина Степановича, художественного руководителя театра, о котором вы говорите. Честнейший человек, всегда поддерживающий молодёжь, если есть хоть капля таланта, – женщина сделала акцент на слове “талант”.

– Но, очевидно, ваша подруга хочет задаром сорвать куш. Так не бывает. Пусть сначала выучится, потрудится в поте лица, и только потом будет иметь право желать, чтобы её произведения ставились в театрах.

– Вы что же, вообще не признаёте талант? Она вовсе не задаром, она написала хорошую пьесу. Вы прочтите, пожалуйста! Мы из детского дома. От нас родители отказались ещё в роддоме, – Катя с надеждой пододвинула рукопись ближе к министру.

– Ой, только вот этого не надо! – женщина перебила Катю. – Для таких, как вы, государство делает очень много. Вы не голодаете, как многие дети из неблагополучных семей. Ты думаешь, детям пьяниц живётся легче? Так что на жалость не дави. Теперь что касается чтения. Чего мне читать пьесу? Женщина презрительно отодвинула её от себя.

– Там нет, и не может быть, ничего полезного и интересного. Современная молодёжь норовит взять наглостью, – лицо женщины перекосила злоба. – Но у вас ничего не получится. Я всегда боролась и буду бороться с такими, как вы, выскочками. В таком возрасте вам нечего сказать миру? Что молчишь? Ответить нечего.

– Мне многое есть что сказать. Вопрос: хочу ли я этого?

– Ну вот и иди, – женщина указала на дверь.

Расстроенная Катя вышла на улицу. Ёжась от холода, она подняла воротник своего старого плаща, который ей купили ещё в детдоме, в девятом классе. Ей хотелось плакать навзрыд, громко, от бессилия, от невозможности сломить стену людского безразличия к чужой судьбе. Она беспомощно огляделась. Ей показалось, что и природа страдает не меньше её. Осень в этом году была дождливая. Постоянно идущие дожди подмочили и растрепали листья на деревьях, и они, уже не сопротивляясь, обречённо, под натиском увеличивавшейся массы, устало опускались на грязный асфальт, смешиваясь с грязью, прилипали к ботинкам прохожих, уносимые ветром, в страхе жались к лобовым стёклам мчащихся машин. И это безграничное страдание, представившееся её взору, окончательно сломило Катю: она отчаянно достала визитку из кармана и, набрав номер, позвонила.

На звонок ответили сразу, – похоже её ждали.

– Катюша, как долго я тебя ждал! – слащавым голосом художественный руководитель поприветствовал девушку.

И на её упрёк, что уже прошло четыре месяца, а контракт с Любой так и не заключён, он, словно мартовский кот, промурлыкал.

– Дорогая, всё зависит от тебя. Нам надо с тобой встретиться и многое обсудить.

Катя чуть не стошнило от его, почти не скрываемых грязных намёков, но она сдержалась и сухо спросила.

– Когда и где?

Чувствовалось, что худрук очень обрадовался, потому как поспешно произнёс.

– К сожалению, меня сейчас нет в городе. Завтра в семь вечера в ресторане “Наедине”.

– Хорошо, – ответила Катя и выключила телефон.

Она не раз спрашивала себя, как легко она может пойти на интимную связь. Слушая откровенные признания Любы, которая после первых же слов любви была готова лечь в кро-

вать, Катя понимала, что это не её сценарий. Само чувство любви она обожествляла, считала его даром божьим, и что только по любви возможна связь, но её, эту любовь, надо заслужить. Она была твёрдо уверена, что нельзя любить кого попало и просто так, ни за что. В школе за ней ухаживали самые достойные ребята. Умные, воспитанные из хороших семей. Но Катя отвергала их ухаживания по той причине, что считала себя недостойной их. Размышляя о своих родителях, она никогда не обижалась на папу. Она винила маму, считая, что та была плохой, от того отец не выбрал её. Под словом “плохая” ею подразумевались такие черты, как доступность, необразованность, отсутствие гордости. Поэтому она поставила себе планку: пока не выучится, не обретёт профессию, о парнях не будет даже и думать, хотя её сердце вопреки разуму учащённо начинало биться, когда она хотя бы просто вспоминала Сергея, который безответно и преданно ухаживал за ней со школы. И сегодня, собираясь на свидание, она понимала, что, осуждая мать, сегодня или завтра станет сама такой же, как она. Катя отдавала себе отчёт, для чего она понадобилась старому худруку. Но она завела себе привычку: когда ей становилось совсем трудно, всегда вспоминала маленькую ладошку, которую когда-то вложила в её ладонь тщедушная девочка Люба

– Пусть хоть Любка будет счастлива! – с этими словами Катя решительно вошла в ресторан.

Худрук первым заметил вошедшую девушку и, поднявшись со своего места, помахал ей рукой, приглашая её пройти к его столику.

– Милая Катюша, я рад вас видеть, – Константин Степанович поднялся со своего места и подарил Кате великолепный букет алых роз.

Случайно, но он попал в самое яблочко, розы были единственными цветами, к которым Катя была равнодушна. Их аромат всегда кружил ей голову, и Катя даже в какой-то мере боялась этих цветов, опасаясь за свою репутацию. Вежливо поблагодарив, она приняла цветы, и ей стоило больших усилий не зарыться лицом в это благоухающее обилие нежных лепестков, чтобы до исступления наслаждаться их ароматом, забыв обо всём на свете. Константин Степанович попросил официанта принести вазу с водой и принять заказ. Как бы Кате не хотелось есть, но она не желала, чтобы Константин Степанович подумал, что ей приятно его общество, потому от еды отказалась, заказав себе лишь чашечку чая с кусочком торта.

– Я бы с удовольствием выпил с вами шампанского, но я за рулём. Так что и мне того же самого, что и девушке, – обратился он к официанту.

Катя сразу заметила папку, лежащую на столе, потому первая спросила:

– Я полагаю, вы хотели поговорить со мной о пьесе? – с серьёзным видом спросила она, устремляя взгляд на папку.

– Да, дорогая вы моя, именно о пьесе. Видите ли, – Константин Степанович достал листы рукописи. – В таком виде её не пропустит не один художественный совет. Забракуют.

И он стал зачитывать некоторые места, которые были совсем уж отвратительны.

Сказать, что Константин Степанович придирался, было бы не верно. Слушая текст со стороны, Катя и сама чувствовала фальшивость, искусственность многих фраз.

– Можно переделать, – неуверенно бросила она.

– Не всё так просто. Эту пьесу надо доводить и доводить до ума. Я знаю человека, который занимается этим профессионально. Его не интересует слава, потому за деньги он превратит любой посредственный текст в шедевр. Но не это главное. Главное в том, что пишут все или почти все, а публикуются лишь по связям. Раз попав на вершину горы, люди из кожи лезут, чтобы там закрепиться и беспощадно уничтожают новичков. Я понятно объясняю?

Катя сидела, слушала и с каждой секундой ощущала свою обречённость. Либо деньги, либо блат – третьего не дано, об этом её предупреждал и редактор газеты. “Слишком много амбициозной посредственности стремится преподнести себя как гениев”, – вспомнились ей его слова.

– Катенька, с тех пор как я увидел вас полтора года назад, я потерял покой.

Девушка удивлённо вскинула брови.

– Значит, вы меня не помните? А ведь мы с вами ехали в одном поезде. Саранск – Новосибирск. Я вас увидел ещё на перроне, вы были с Любой. У меня был купейный билет, но я заплатил проводнице, и она мне поменяла на плацкартный. Моё купе было соседним с вашим. Знаете, вы мне очень напоминаете...

– Вот только не надо говорить, что я похожа на вашу покойную жену, которую вы безумно любили.

– Но это правда!

– Вы хотите, чтобы я стала вашей любовницей? – напрямую спросила она.

– Да, – голос Константина Степановича при этом вздрогнул. – Катенька, я буду на руках носить вас.

Катю опять затошнило, но она взяла себя в руки.

– Так что по поводу пьесы?

– Пьесу мы поставим. Я дам вам адрес того человека, он её отшлифует, и всё будет прекрасно.

– У меня одно условие: все пьесы, которые Люба будет писать, вы будете ставить и платить согласно договору?

– Ну разумеется, дорогая.

– И ещё... ни при каких обстоятельствах Люба не должна знать о нашей сделке.

– Хорошо, как скажешь. Поехали ко мне.

Катя испуганно сжалась, но это длилось лишь пару секунд. Не в её правилах было отступать от принятых решений.

– Хорошо, – сказала она и решительно встала со стула.

Константин Степанович жил один в хорошо обставленной трёхкомнатной квартире. На какое-то время он приводил к себе очередную любовницу, которыми обычно были артистки его же театра, но на ночь он их обычно не оставлял. И, к тому же, как-то так получалось, что больше года любовницы не задерживались.

Константин Степанович планировал привезти сегодня Катю к себе домой, потому попросил домработницу приготовить им ужин. Катя впервые была в столь большой и красивой квартире, но она держалась холодно и не проявила ни малейшего интереса к обстановке.

– Проходи, милая, – после мытья рук хозяин дома пригласил Катю в столовую, где уже был накрыт стол на двоих.

– У меня домработница превосходно готовит. Я попросил её сегодня приготовить нам жаркое из кролика. Ела когда-нибудь?

Катя в знак отрицания замотала головой.

– Сегодня попробуешь. Это что-то!

Усадив Катю, Константин Степанович хлопотал над ужином. Через минуту ароматизированные зажжённые свечи в красивых подсвечниках уже бросали вокруг таинственные блики. В комнате стал чувствоваться дух сладострастного томления. Красное вино, разлитое в прозрачные бокалы из чешского стекла, пронизанное огоньками свечей, заиграло особой палитрой ароматов, нестерпимо манящих к себе и обещающих незабываемое блаженство. Вся атмосфера вокруг была полна ожиданием: для гостя – чего-то ранее неведомого и пугающего, для хозяина – страстно желаемого. Жаркое было действительно вкусным, но страх и отвращение перед грядущим напрочь лишили Катю аппетита. Поклевав горячее и пригубив вино, она замерла в ожидании. Щёки её пылали огнём, и она вся дрожала. Константин Степанович включил музыку и, подойдя к Кате, галантно подал руку, приглашая на танец. Красивая музыка, дыхание, ставшее единым... Его руки, минуту назад кружившие её в танце, вдруг решительно заскользили по спине девушки, прижимая её к себе в страстном поцелуе...

Когда всё наконец-то закончилось, и Константин Степанович, тяжело дыша, откинулся на подушку, Катя, стыдливо прикрываясь простынёй, сразу же стала одеваться.

– Полежи немного, отдохни, – он ласково провёл по её руке.

Катя с трудом сдержалась, чтобы в отвращении не отдёргнуть руку, но лишь быстрее стала одеваться.

– Уже поздно, мне надо домой.

– Подожди, я такси вызову.

Когда такси приехало, Константин Степанович, накинув халат, вышел проводить Катю.

– Мне ни с одной женщиной не было так хорошо, как с тобой, – сказал он на прощание поцеловав её в голову. Потом, как бы опомнившись, быстро достал из кошелька тысячную купюру.

Катя инстинктивно спрятала руку в карман.

– Ну, чего ты испугалась, дурочка? Это тебе на такси.

Выйдя за дверь квартиры, Катя, не дожидаясь лифта, помчалась по ступенькам вниз. Ей хотелось быстрее выбраться из этого пристанища разврата. Она была противна себе. Перед самым такси её стошнило. Отвращение, которое она гасила в себе почти три часа, сейчас вышло из неё в буквальном смысле, выворачивая наизнанку. Ругаясь, таксист отвернулся, но уезжать не стал, зная, что ночная такса дороже в три раза.

Через короткое время Кате стало немного легче.

– Извините, – она села на заднее сиденье и назвала адрес. Ехали молча. На смену тошноте пришли слёзы. Катя едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Начался ливень. Не доехав до общежития пару сотен метров, Катя попросила водителя остановиться. Расплатившись, она вышла. Ей не терпелось остаться одной.

Она шла под проливным дождём и выла, как волк. Её девственность, чистота помыслов, мечты о любви, о счастливом замужестве, материнстве сегодня были безжалостно отданы на попранье похотливому, пожилому извращенцу, который не преминул воспользоваться случаем. Катя шла и понимала, что жизнь для неё кончилась. Она ненавидела себя, презирала, считала грязной. Ей не хватало воды проливного дождя. Он представлялся ей каплей, а хотелось – реку, море воды, чтобы хоть как-то попытаться смыть с себя чужой запах, чужие прикосновения, которые зудом отзывались на теле. Катя не давала себе отчёта, что уже два часа стоит под проливным дождём. Душевная пустота лишила её способности мыслить, и ей стоило больших усилий взять себя в руки. И она вновь вспомнила маленькую ладошку Любы и со словами: “Пусть хоть она будет счастлива!”, – наконец-то вошла в общежитие.

Люба не спала.

– Катька, ты где была?! С тобой всё в порядке? – Люба беспомощно взирала на воду, которая в прямом смысле ручьями стекала с Кати.

– Всё в порядке. Маршрутка сломалась, пешком шла, – Катя стала раздеваться. Люба опомнилась и стала помогать подруге. Она принесла таз и выжимала одежду Кати.

Переодевшись в сухую одежду, Катя включила электрочайник.

– Ты ела?

– Конечно, поела. За меня не переживай, я тебе там оставила.

– Не хочу. Вот только чай попью, а то что-то знобит.

– И я с тобой за компанию, – Люба уселась за стол на своё место. – Кать, ты вся дрожишь, похоже – простудилась.

– Ничего страшного. Вот только чай попью, – она бросила в чайник по щепотке липового цвета, шалфея и прикрыла чайник полотенцем. Заметив небрежно брошенную на стуле мокрую одежду, Катя молча подошла и аккуратно все развесила.

– Извини, не догадалась, – Люба наблюдала за действиями подруги.

– Ничего, просто утром она мне понадобится сухой.

– Катя, что с тобой? У тебя голос какой-то не такой.

– Не говори глупости.

– Нет, серьёзно, без интонации. Помнишь, по телику показывали: когда человек умирает, аппаратура выдаёт прямую линию. Абсолютно прямую, без даже самых малюсеньких всплесков. Вот и у тебя голос ровный, ровный. Мёртвый какой-то...

– Глупости.

Катя разлила по чашкам чай и, взяв маленькую ложечку, стала вприкуску с вареньем маленькими глотками пить кипяток. Люба же, остудив чай молоком, стала пить его, заедая печеньем.

– Ты чего кипятком давишься, молоко налей.

– Мне нужно пропотеть, чтобы не заболеть.

– Ясно.

Как не пыталась Люба разговорить подругу, ничего у неё не получилось. Напившись чаю, легли спать. Вконец измотанная, Катя уснула в тот же миг.

Глава 6

На следующий день после работы Катя пошла по адресу, который ей дал худрук. Дверь открыл старый то ли еврей, то ли грузин, – это первое, что приходило на ум после взгляда на нос хозяина. Но после того, как он стал картавить, сомнения, что это может быть кто-то помимо еврея, улетучились.

– Как я полагаю, вы от Константина Степановича? Он звонил мне накануне.

Получив в виде кивка утвердительный ответ, хозяин предложил гостю раздеться, любезно приняв у неё плащ.

– Пройдёмте в комнату, – шаркая старческими ногами, он пошёл первым, показывая Кате дорогу.

Судя по всему, квартира была двухкомнатная, и хозяин привёл Катю в зал. Основным украшением комнаты были стеллажи книг. Их было много, очень много.

– Какая у вас большая библиотека!

– Да, – просто ответил хозяин: похоже, он привык, к словам восхищения по поводу книг. Жестом он пригласил Катю к столу.

– Садитесь, – придвинув девушке стул, он сел рядом.

– Меня зовут Семён Романович, а вас?

– Катя.

– Очень приятно. Так с чем, Катенька, вы пожаловали?

– Вот, – Катя протянула ему листки рукописи.

Не отрываясь от пьесы, лишь на секунду подняв глаза поверх очков, он спросил:

– Константин Степанович говорил вам что-нибудь об оплате?

– Да, конечно.

– Если вы располагаете хотя бы часиком, я скажу точно, во сколько вам обойдётся теперь уже моё творчество.

– Я подожду. Можно мне посмотреть книги?

– Да, пожалуйста, – и хозяин вновь углубился в анализ пьесы.

Катя с волнением в груди подошла к книгам. Они для неё многое значили. Не будучи открытым человеком, в книгах она искала ответы на свои вопросы, касательно не только научных знаний, но и жизни в целом. К книгам она обращалась, когда ей было радостно или грустно. И вот сейчас, увидев их в таком большом количестве дома у одного человека, её сердце пронзило острое чувство зависти. Но Катя сразу же подавила его в себе и лишь радуясь возможности лицезреть такое богатство, протянула руку к полке. Толстые и тоненькие, новые и не очень, книги стояли тесными рядами переплётом вперёд и, не дотрагиваясь до них, можно было прочесть название. Случайно Катя подошла к той стороне стеллажа, где находились книги по медицине. “Кардиология” тихонечко прошептали её губы, и сердце учащённо забилося. Она стояла и молча читала названия книг: “Акушерство”, “Глазные болезни”, “Заболевания желудка” ... – Катя в восхищении скользнула взглядом по книгам. Она обернулась с желанием что-то спросить, но остановилась, заметив сосредоточенный вид Семёна Романовича.

“Потом спрошу”, – решила она и продолжила знакомиться с содержанием библиотеки.

Практически через час Семён Романович окликнул Катю.

– Ну, дорогая, прошу к столу.

Дождавшись, когда она сядет, он спросил.

– Нашли что-нибудь интересное для себя?

– У вас хорошие книги по медицине. Вы что, по профессии врач?

– Да. Я – гинеколог. У нас в роду все врачи. И по маминной линии, и по отцу. Сейчас я не практикую, но, знаете ли, кушать не расхотелось, потому вот занимаюсь этим, – он хлопнул по рукописи, – ещё вот книги даю читать на дом, – правда, за деньги.

Глаза Кати загорелись огнём. Семён Романович заметил это и поспешил добавить:

– Сначала решим вопрос оплаты рукописи, потом можно и о другом поговорить. Я попрошу за свой труд восемьдесят тысяч.

Глаза у Кати округлились. Ей стало трудно дышать.

– Ну что вы, дорогая, так испугались? Это совсем не дорого. Первую работу я, можно сказать, делаю бесплатно. Для следующей пьесы будет совсем другая цена.

– Но у меня нет таких денег.

– Тогда зачем вы пришли? – тон Семёна Романовича стал суровым. Катя испугалась, что сделка из-за неё сорвётся, и поторопилась заверить, что деньги найдёт.

– Это уже другой разговор. Через неделю встречаемся у меня. Вы мне деньги – я вам пьесу. Договорились?

– Да.

Катя шла к остановке маршрутки и думала, где взять денег. На заводе она получала пятнадцать тысяч плюс стипендия, итого – двадцать. Где взять ещё шестьдесят? Одна надежда была на заведующую общежитием Елену Владимировну. “Лишь бы у неё были, и она дала займы”, – как молитву повторяла Катя, добираясь до общежития. Не заходя в комнату, она напрямик пошла к заведующей. Та была одна и что-то писала.

– Катюша, проходи милая! – Елена Владимировна была ей рада. – Меня всё вширь тянет, а ты, смотрю, тростинкой стала.

– С приездом, как отдохнули?

– Хорошо, милая: дом побелила, в огороде, сама понимаешь, дел невпроворот. Зря вы со мной не поехали.

– Вы и так столько для нас сделали, ещё и к вам домой ездить? Нет уж, увольте! Я рада, что вы вернулись.

– Попозже к вам собиралась, гостинцы привезла. Вот только с делами разберусь. Ты, родная, просто так или по делу? – заведующая просматривала документы и разговаривала одновременно.

– По делу я, Елена Владимировна, – потупив глаза в пол и помолчав пару секунд, как бы набираясь решимости, Катя резко выпалила. –... Не могли бы вы мне занять шестьдесят тысяч? Я всё отдам, честное слово! – увидев, что заведующая прекратила листать документы и, подняв голову, что-то хочет спросить, Катя, опережая её, быстро добавила. – Вы, Елена Владимировна, пожалуйста, ни о чём не спрашивайте! Просто поверьте, что очень надо.

– Что-то ты загадками говоришь...

Катя умоляюще смотрела на заведующую.

– Я заработаю и верну.

Теперь уже несколько секунд помолчала заведующая, и при этом, не отрываясь, смотрела на Катю, а потом, улыбнувшись, чтобы поддержать девушку, у которой застыл в глазах страх, что откажут, она спокойно ответила.

– Я знаю, что ты просишь на нужное дело. Я дам тебе денег. Отдашь, когда сможешь.

Катя, не сдерживая слёз, бросилась обнимать Елену Владимировну.

– Родненькая вы моя, спасибо! Я всё отдам, честное слово!

Тут и Елена Владимировна расплакалась.

– Ну что ты говоришь, кому мне помогать, как не вам? Кроме вас у меня никого и нет.

Проплакали минут десять, пока у заведующей не зазвонил телефон. Уходя, Катя оглянулась и сказала:

– Вы только, пожалуйста, Любе ни слова!

– Конечно, милая. Как скажешь.

Ровно через неделю Катя, отдала Семёну Романовичу деньги и забрала рукопись. Хотя он и приглашал прочитать пьесу сразу, чтобы знать, за что он берёт деньги, Катя отказалась. На то были две причины. Во-первых, она была уверена, что работу бывший врач сделал на «отлично». “При такой-то библиотеке!”, – был её главный аргумент. Во-вторых, время было раннее, и Катя собиралась занести рукопись секретарше. С самим художником она не желала встречаться. Всё вышло так, как планировала Катя. Буквально на следующий день Константин Степанович позвонил Кате сам и сказал, что пьеса одобрена художественным советом, и Люба может приезжать для подписания договора о сотрудничестве. Катя и Люба были на седьмом небе от счастья.

Для Любы началась новая эра в её жизни. Катя вместе с редактором их студенческой газеты, позаботились, чтобы через несколько дней весь институт знал, что Люба успешно пишет пьесы для их местного драматического театра, который активно репетирует одну из них.

С Константином Степановичем Катя встречалась у него на квартире. Он всегда звонил сам и спрашивал, свободна ли она сегодня. Если Катя была занята, встреча откладывалась на другой день. Он мог назначать встречи чуть ли не каждый день, а мог и не звонить целую неделю. Обычно Катя не переносила назначенный им день, лишь однажды ей сильно нездоровилось, и она попросила отложить встречу на пару дней.

Сегодня Константин Степанович позвонил и попросил её приехать к нему. Они не виделись целую неделю. Катя согласилась, как раз была не её смена на заводе, и она освободилась сравнительно рано. Приняв душ, она поехала к нему домой. Константин Степанович открыл ей дверь сам. В дни их свиданий он пораньше отпускал домработницу домой.

– Катюша, здравствуй милая! – он помог девушке снять плащ, и они прошли в комнату. Там на журнальном столике, как всегда, стояли ваза с фруктами и бутылка виски.

– Садись, – усадив девушку на диван, сам он сел в кресло, напротив.

– Ты похудела, но стала ещё прекрасней, – он налил себе и ей виски. Взяв свой стакан в руки, он облокотился на спинку кресла. – За твое здоровье, дорогая, – он выпил всё, что налил себе, Катя лишь пригубила.

– Ты знаешь, Катюша, у меня есть мечта: поставить спектакль о современниках, – он снова налил себе и выпил. – Они мне представляются безнравственными и меркантильными. Чтобы добиться того, что им хочется, они пойдут на всё. Он опять выпил.

– О таких понятиях, как Родина, любовь, я вообще не говорю, – они продаются ими направо и налево за медный грош. В чём-то я с ними согласен. Родина – понятие расплывчатое. Лично я вообще его не понимаю. Есть место, где ты родился, где тебе было хорошо, а если нет, то почему ты должен любить то место, где тебе было плохо? А если ты нашёл место, где тебе лучше, почему ты, уехав туда, считаешься предателем?

Катя безучастно сидела и молча слушала. Никто не спрашивал её мнения, а сама она не привыкла его навязывать другим.

– Бог с ней, с этой Родиной. Я говорю о таких личных понятиях, как честь, достоинство. Что они обозначают? Какова их ценность? Нужны ли они вообще и актуальны ли сегодня? – он снова налил себе и выпил. – Почему у нас в театре, к примеру, как только ставится новый спектакль, и распределяются роли, начинаются такие страсти – волосы дыбом встают: строятся козни друг против друга, плетутся интриги. А всё потому, что артисты меркантильны. Им хочется славы, признания, им хочется выделиться.

– Им, наверное, хочется попробовать себя в разных ролях.

– Для чего или для кого?

– Для себя.

– Пожалуйста, учи роль и играй дома, сколько душе угодно! Нет, они этого не хотят. Потому что дома они не получают самого главного – признания своей исключительности. Ради неё и весь сыр-бор. В жертву ей приносятся и честь, и достоинство. Что такого в этой исключительности? Почему к ней так стремятся? Живи себе спокойно, как серая мышь. Заработал на пропитание – и радуйся. Нет, хочется чего-то большего. Можно возразить, что стремление к исключительности заставляет людей развиваться. То есть это своего рода источник прогресса. Но не тут–то было.

В научном мире, так сказать, в том самом сердце прогресса, случаются целые войны за право считаться первым в каком-либо открытии. Учёным не столь важно, что свершился прорыв в одной из областей науки, – им куда важнее, что это именно они его совершили. Жажда славы, возможность не быть как все – вот что их волнует больше всего. А всему виной чёрт, сидящий в каждом из нас. Это он нашёптывает на ушко: ты – Бог, ты не такой как все, ты исключительный, ты всё можешь. Это главное для человека искушение – сравняться с Богом, и люди идут на всё, чтобы достичь этого ощущения. Ты знаешь, Катюша, чтобы заполучить главную роль, большинство артисток нашего театра прошли через мою постель. Я им предлагал – они соглашались. Они, как последние проститутки, бежали ко мне, чтобы в будущем заполучить это долгожданное признание. Продажные шлюхи без чести и достоинства.

Катя сидела и плакала. Она понимала, что доля истины есть в словах худрука, и ей было очень стыдно. Она была готова провалиться от стыда сквозь землю. Константин Степанович только теперь заметил, что, Катя плачет.

– Катюша, милая, к тебе это не имеет никакого отношения! – он встал перед девушкой на колени и стал целовать ей руки. Катя сидела, не шевелясь.

– Ты лучшая девушка, которую я когда-либо встречал. Его поцелуи становились все более настойчивыми, смелыми. Руки потянулись к пуговицам на кофточке. Катя не помогала ему, на её лице замерло безразличие и пустота. Расстегнув пуговицы, он страстно прильнул губами к её груди. ...Когда всё закончилось, Катя, всё так же молча, встала и ушла.

Глава 7

Ведущего артиста их местного театра, Андрея Коваленко, Люба заметила ещё в тот момент, когда художественный руководитель Константин Степанович любезно представил её труппе, которая уже начала репетировать спектакль. Блондин с хвостиком, среднего роста, хорошего телосложения он очень напоминал танцора балета Нуриева. Те же грациозные перемещения по сцене, та же гордо, высоко посаженная голова на длинной шее и, самое главное, та же одержимость сценой. Он исполнял главные мужские роли почти во всех спектаклях театра по причине своей необычайной талантливости, что само по себе было больше исключением, чем правилом, в мире искусства. А заметила Люба его лишь потому, что он один из всей труппы не подошёл к ней, чтобы засвидетельствовать своё восхищение и взять автограф. Он спокойно сидел на стуле и ждал, когда его коллеги перестанут заискивать, и начнётся репетиция. Андрей Любе очень понравился внешне, остальное её мало волновало. С этого дня она частенько стала посещать репетиции, и открыто выказывала ему своё восхищение.

– Андрюшка, сегодня твоя не пришла. Что будешь делать со своими многочисленными поклонницами? – Анастасия Павловна наносила лёгкий грим на лицо Андрея.

– Солить в бочке. ... Если вы о Смирновой, то мне иногда кажется, что это не она написала пьесу.

– Почему ты так решил? Слишком молода? Поговаривают, что ей всего лишь двадцать.

– Возраст тут не причём. Я вчера специально переврал текст, у Константина Степановича глаза на лоб полезли, а она, стоя, мне аплодировала. Представляете?

– Похоже, она влюблена в тебя и всё тебе прощает.

– Если бы я изменил текст в лучшую сторону, её поведение хоть как-то можно было оправдать, хотя для истинного автора его детище неприкосновенно. Я же нёс полную чушь, а ей всё равно. ... Дура.

– Ты бы осторожней: не захочет тебя видеть в этой роли. Что делать будешь? Желание автора – закон.

– Испугали. ... Отныне буду любезен. Всё, Анастасия Павловна, спасибо, – Андрей вышел из гримёрки и пошёл к сцене. Скоро должен быть его выход.

Сегодня репетировалась сцена, когда главный герой признаётся героине в любви и соблазняет её. Главный герой – студент третьего курса института, героиня заканчивает десятый класс. Он приводит девушку к себе домой, чтобы позаниматься геометрией. В пустом зале был занят только первый ряд. Сидел постановщик спектакля и его помощники. В руках Константин Степанович держал микрофон и в него давал указания, как исполнителям, так и звукооператору, и осветителям. Люба знала, когда заканчивается репетиция. К её окончанию она уже была у театра, но входить не стала, а прошла к месту, где Андрей обычно парковал машину. Спрятавшись за колонну, она стала ждать появления артистов. “Чёрт, холодно-то как! Хотела ведь беретку надеть, да побоялась причёску испортить. При таком ветре и влажности от неё и так ничего не осталось. Может, зайти в фойе и там его ждать? Нет, при всех как-то неудобно. А если он сегодня вообще не был на репетиции? Откуда мне знать, что они сегодня репетировали. Вот будет номер, если я тут зря мёрзну. Время, однако, тащится, как улитка. Всего пятнадцать минут стою”, – Люба посмотрела на часы. “Погода совсем испортилась, только мне дождя или, ещё хуже, снега не хватало! Стоп. Идут. Пойду на своё место”, – увидев толпу актёров, выходящих из театра, Люба обогнула стоянку и встала как раз в том месте, где обычно выезжал Андрей. Когда молодой человек подъехал к тому самому месту, перед ним замаячила Люба, пытавшаяся поймать такси. Не заметить её было просто невозможно. Вспомнив недавний раз-

говор с гримёршей, Андрей не стал играть с судьбой и нажал на тормоза своего старенького «фольксвагена».

– Люба, здравствуйте, могу я вас подвезти?

– Мне на Цветочную, – она назвала улицу, где находилось общежитие.

– Я как раз еду в ту сторону, – обманул Андрей, хотя на самом деле его дом находился в противоположном направлении.

Он с любезной улыбкой вышел из машины и, открыв дверцу, галантно пригласил девушку сесть на переднее сиденье.

– Похолодало! Что поделаешь, – скоро зима, – Андрей сказал банальную фразу, трогая машину, чтобы как-то завязать разговор.

– Не люблю зиму, – ёжась от холода, ответила Люба. Она достаточно сильно замёрзла и была не в духе от того, что снова самой приходится бегать за парнем.

– Я печку включил, сейчас будет тепло. А хотите, у меня есть горячий кофе?

– С удовольствием. Замёрзла: как бы ни простыть.

Андрей, отъехав в сторону, остановил машину. Достав из бардачка пачку печенья, он раскрыл её и положил на колени Любы и только затем разлил по чашкам кофе. Одну он протянул ей, другую – взял себе. В тёплой машине они сидели, пили кофе с печеньем и разговаривали.

– А вы что же, с репетиции?

– Да.

– А что сегодня репетировали? – Люба мило улыбалась, она была довольна: всё складывалось именно так, как она и планировала.

– Сегодня репетировали момент соблазнения. Коварный герой соблазняет невинную молоденькую героиню. Всегда хотел спросить, как вам, писателям приходят на ум такие сюжеты? Вы что же, берёте их из жизни, или это чистейшей воды плод вашей фантазии?

– Вообще-то я стихи пишу, когда у меня есть вдохновение, а сюжет... конкретно этой пьесы действительно взят из жизни.

– Что вы говорите? – Андрей допил кофе первым и тихонечко поехал.

– Да, подобное случилось с ученицей школы, где я училась.

Люба тоже допила кофе и, спокойно облокотившись на спинку сиденья, наслаждалась поездкой и общением. Настроение у неё было отличное. Впервые она ехала на переднем сиденье легковой машины, и не просто как пассажирка такси, а как подруга, как возлюбленная подруга известного артиста. Во всяком случае – таковой она себя ощущала.

– Надо же! Вы действительно очень талантливы, так расставили акценты, что простая житейская история превратилась в драму. Какая игра страстей, какой накал! – Андрей сыпал комплименты. – И на нас, артистов, ложится сложная задача – суметь в полной мере передать страдания бедной девочки, всю испорченность, весь эгоизм подлой душонки главного героя. Мне даже становится страшно, сумею ли я сыграть, как надо.

Люба была польщена обилием открытого восхищения – как самой пьесой, так и ею, как автором. И в знак благодарности, и не только, стала нахваливать самого актёра.

– Что ж вы так о себе? Вы – прима театра. Играете во всех популярных спектаклях. И как талантливо! Вас обожают зритель, и не только он, – Люба многозначительно замолчала. А потом, сделав вид, что сама смущена вырвавшимся признанием, опустил глаза, продолжила.

– Вас, наверное, и в Москву приглашали?

– Приглашали, но мне как-то неудобно бросать товарищей, – Андрей был сама скромность.

– Да вы что?! Каждый должен думать о себе. Нужны вы будете друзьям, когда вам перестанут давать главные роли.

– Что же вы так плохо о друзьях? Приходилось обжигаться?

– Да, и не раз.

– Расскажите, очень интересно. Мне лично с друзьями везло.

– А мне нет. Была у меня подруга, ещё с детства. Всё так сказать вместе, и в горе, и в радости. В школе вместе учились. Я всегда отличницей была, а она – бездельница. Понятно, мне приходилось помогать. В институт помогла ей поступить. А сейчас, когда ко мне слава пришла, зависть у неё ко мне появилась. Не порадует за меня, злыдней стала.

– Да, не повезло вам. Всё, приехали. Вам где остановиться?

Люба обиженно поджала губы. После тёплого общения и стольких комплиментов, она рассчитывала, по меньшей мере, на посиделки в кафе.

– Возле магазина, пожалуйста, – сухо ответила она

– Как скажете, – Андрей заметил перемену настроения девушки, потому поспешил добавить.

– Жена попросила сына из садика забрать.

Люба промолчала и, бросив: “Спасибо”, – вышла из машины.

От известия, что Андрей женат, настроение у Любы испортилось окончательно.

“Надо же, какая я невезучая! И здесь сорвалось!” Глазами, полными слез, она смотрела на огни зажжённых фонарей, светящиеся витрины магазинов, на свет фар мчащихся по дороге машин, на прохожих, спешащих по каким-то своим делам, и до боли в сердце ощущала свою ненужность, своё одиночество.

Отчего же такая чудовищная несправедливость?! Когда же это закончится? Мне говорили: стань знаменитой, и тогда тебя будут любить... И что же? Я стала знаменитой, но почему ничего не изменилось? Почему? Что я делаю не так?

И от бессилия что-либо изменить, но испытывая страстное желание отомстить, она всё же отобрала чувство защищенности у тех, кто слабей её, со злостью пнув на асфальте горстку листьев, прижавшихся к друг другу в надежде вместе противостоять сильному порыву ветра и не быть разбросанными по одиночке, что означало бы для каждого из них неминуемую смерть под ботинками прохожих. И совершив это злодеяние, она быстрым шагом пошла к общежитию.

У самого входа она увидела Сергея.

– Серёжка, ты что здесь делаешь? – обрадовано воскликнула Люба. Настроение у неё, как стрелка термометра при высокой температуре, поползло вверх.

– Я стучал. Похоже, у вас там никого нет.

– Катька полы мыть пошла, а я с репетиции. Моя пьеса ставится в нашем театре. Представляешь? – Люба торопилась поделиться с ним самым значимым для неё. – Пошли к нам. Люба взяла под руку Сергея, и они вместе вошли в вестибюль.

– Ну ты даёшь! – Сергей высказал восхищение.

– Раздевайся, – Люба показала, где у них вешалка. – Я сейчас чайник включу. Смотрю, у тебя в руках торт?

– Да, вам купил.

Сергей, разувшись, прошёл в комнату и поставил коробку с тортом на стол.

– Мой руки и садись за стол, торт будем есть.

Разлив по чашкам чай и нарезав торт, Люба села напротив Сергея.

– Ну давай, рассказывай, как жизнь, учёба?

– Да всё нормально. Я в ваш город перевёлся, ну, то есть в ваш медицинский. Квартиру снимаю, неподалёку от института. Так что мы теперь, можно сказать, соседи, – Сергей, не спеша, ложечкой отломил небольшой кусочек торта и отправил в рот.

– Да ты что?! Здорово! Будем чаще видеться, – настроение Любы улучшалось с каждым словом Сергея.

– У вас что же, проблемы с деньгами? – спросил Сергей.

Сунув в рот последний кусочек торта и вытирая руки о кухонное полотенце, она ответила:

– Почему ты так решил?

– Катя работает.

– Она всегда была транжира. Ей, сколько не давай, всё мигом потратит. Серёжка, представляешь, мою пьесу ставят в театре! Скоро премьера, – Люба не хотела ни о чём и ни о ком говорить, кроме как о себе. То, о чём она даже не смела мечтать, но чего страстно желала, – свершилось. И ей хотелось кричать, говорить о своей победе всем и всюду, надеясь, что наконец-то ими будет восполнена уже ставшая невыносимой её потребность в любви, в восхищении, в признании – во всех тех чувствах, которых не только во всём их многообразии, но и в единственности она была лишена все эти годы.

– Я обязательно приду.

– Я такая счастливая! У меня с театром контракт о сотрудничестве. На два года. Они будут ставить все мои пьесы. Квартиру себе куплю, – Люба говорила быстро, с жаром, её глаза излучали счастье.

– Молодец! – Сергей искренне был рад её успехам, но той реакции, которой желала Люба, она не получила, и всё потому, что его мысли и сердце были заняты другой, которой сейчас не было дома. И опять это знакомое чувство второсортности до боли кольнуло её самолюбие, и на вопрос Сергея: "Как у вас с Катей учёба"? – мстительно ответила.

– Катке тяжело, конечно. Сам понимаешь, на моём фоне она проигрывает. Меня теперь преподаватели в лицо знают, я, понятное дело, этим пользуюсь и насчёт Катки тоже прошу. Как моей подруге, ей делают поблажки.

– Зима скоро, темнеет рано. Катя, наверное, должна скоро вернуться, я её на улице подожду, – Сергей открыто беспокоился о девушке и даже сделал попытку встать, что ещё больше взбесило Любу.

– Ты что, она не раньше двенадцати, а то и позже возвращается. Если честно, я не хотела тебе говорить, но она моя подруга, и я беспокоюсь за неё. Иногда мне кажется, что она проституткой подрабатывает.

– Что ты такое говоришь?! – одернул её Сергей.

– А что? Какое предприятие до этого времени работает? – грубо, уже не сдерживая свою злость, ответила она.

Тут дверь в комнату открылась, и вошла Катя. Худая, в стареньком пальтишке, она выглядела очень высокой и очень измученной. В одной руке она держала пакет с продуктами, в другой – сетку картошки. Сергей быстро вскочил со своего места и бросился к Кате, забирая из рук пакеты. Их глаза встретились, и в первое мгновение взгляд Кати загорелся радостью при виде Сергея, но в следующую секунду стал холодным. Сергей даже оторопел от столь разительной перемены. Он растерянно стоял, держа в руках пакеты с продуктами и картошкой.

– Здравствуй, Сергей. Картошку в угол, а продукты на стол. Сейчас будем ужинать, – сухо сказала Катя и прошла к умывальнику. Сергей сделал то, что ему велели.

Люба заметила холодность подруги, и её настроение вмиг улучшилось.

– Что вкусенького принесла? – весело спросила она, разгружая пакет.

Катя, между тем, поставила разогреваться котлеты с картошкой и мимоходом стала спрашивать Сергея:

– Какими судьбами в наших краях?

– Ты представляешь, он перевёлся в наш медицинский. Теперь мы соседи, – Люба опередила Сергея, и сама ответила на вопрос.

– Напрасно, – холодно заметила Катя.

Усадив всех за стол ужинать, сама она к еде не притронулась, а лишь пила горячий чай.

– Кать, а ты почему не ешь? – участливо спросил Сергей.

– Устала. Тебе Люба рассказала про свои успехи?

– Рассказала.

– Она у нас теперь знаменитость. Всем нос утёрла. Молодец.

Сергей видел, что Кате хочется отдохнуть, и, расстроившись, что она ему не рада, стал собираться домой.

– Пойду. Я квартиру снимаю, отсюда семь остановок, без пересадок.

– Здорово! Будем ходить друг к другу в гости, – поторопилась добавить Люба, Катя же промолчала. Она лишь тихонько встала и молча стала убирать со стола грязную посуду.

– Я пойду тебя проводить, и не отговаривайте меня! – весело крикнула Люба, и первая побежала к вешалке, чтобы одеться.

– Кать, тебе помочь? – Сергей не оставлял попыток добиться расположения девушки.

– Нет, – Катя никак не хотела смягчаться. На её лице не было и тени улыбки. Ни благодарности за предложенную помощь, ни теплоты на прощание, – лицо, словно маска, оставалось таким же, как было пару минут назад – бесстрастным и равнодушным. Сергей быстро оделся и, бросив:” Спокойной ночи!”, – вышел вместе с Любой на улицу.

Кате едва хватило сил дождаться, пока их шаги смолкнут за дверью. Слёзы хлынули из её глаз и, опустившись на стул, закрыв лицо руками, она зарыдала. Катя только сейчас поняла, что давно любила Сергея, и то, что он теперь для неё потерян, приводило её в отчаяние. Сделать вид, что ничего не изменилось, и продолжать принимать его ухаживания она не могла. Не на обмане она мечтала строить свои отношения с любимым. Поплакав минут десять, Катя спохватилась, и в страхе, что сейчас придёт Люба, быстро вытерла слёзы, и принялась мыть посуду.

А, между тем, Сергей и Люба вышли из общежития и медленным шагом пошли в сторону трамвайной остановки.

– Люб, что-то с Катей не то! Она мне показалась такой измученной, опустошённой. Похудела, – с беспокойством в голосе произнёс Сергей.

– Её зависть мучает, – поймав встревоженный взгляд парня, Люба в ответ огрызнулась, – вот только не надо на меня так смотреть! Вы все считали её лучше меня. Красивее, умнее. Она меня всегда поучала. Думаешь, отчего? Потому что считала меня дурой. Я ей нос утёрла. Посмотри на моё пальто! Люба закружилась.

– Красивое, – безразлично ответил Сергей.

– Сама заработала! Катьке до меня не дорасти. У меня талант, а у неё что? Подумаешь, красота! Она в своём старом пальтишке не такая уж и красивая. Вот поставят спектакль – заработаю деньги, квартиру куплю и съеду от неё.

– Люб, зачем ты так? Вы же подруги!

– Кончились подруги! Завидует она мне. Ещё отравит, боюсь я её.

– Мой трамвай, – Сергей вскочил на подножку.

– У тебя номер телефона прежний?

– Да.

– Я тебе позвоню.

Глава 8

Вернувшись в общежитие, Люба застала подругу с учебником в руках. Катя готовилась к завтрашнему семинару.

– Завтра семинар по литературе Возрождения. Будешь готовиться?

– Это, Катька, тебе готовиться надо, – Люба, счастливая, плюхнулась на свою кровать. – У меня талант. Мой спектакль ставят в театре. Я – гордость института. Мне диплом на блюдечке принесут. А ты зубри, что тебе ещё остаётся делать?

– Да, кстати, Серёжка сказал, что ты сильно подурнела. “Худая как вобла”, – это я его слова повторяю, – Люба цинично рассмеялась. – Уж извини, подруга, это всё он.

Катя промолчала и продолжила чтение. В груди у Любы росло раздражение, ей хотелось, чтобы Катя наругала в ответ, тогда она высказала бы всё, что о ней думает. Указала бы ей на её место.

– Ты только о себе и думаешь, – Люба села на кровати и зло посмотрела на Катю. – Не сегодня – завтра премьера, а у меня даже вечернего платья нет. Ты специально тянешь, чтобы не успеть купить, и я буду вынуждена пойти в старье.

– Не говори глупости, – Катя отложила книгу. – С прошлой моей получки купили тебе пальто. Я на вторую работу устроилась: полегче будет, сможем купить тебе платье и туфли.

– Опять куда-нибудь потратишь! Ты больше получаешь!

Катя промолчала. Она встала с кресла, убрала учебник и молча стала готовиться ко сну. Вспомнив, что ей завтра утром на работу, она взяла в руки будильник и поставила его на половину шестого утра. Перед тем как лечь спать она вновь обратилась к Любе.

– Раз ты завтра в институт не идёшь, так хоть посиди – попиши. У тебя контракт, пользуйся этим. Два года мигом пролетят. Поторопись написать, чтобы они успели запустить спектакль, – кто знает, как потом жизнь сложится.

– Накарай мне ещё тут! Без тебя знаю, – огрызнулась Люба.

Катя, как всегда, ушла от перебранки. Быстро раздевшись, она легла в постель и отвернулась к стене.

Проснулась она за несколько минут до звонка будильника. Боясь разбудить Любу, быстро перевела стрелку на более позднее время. Отопление в этом году давать не торопились. В комнате было холодно. Катя оделась и, включив электрический чайник, вышла в коридор, чтобы сходить в туалет и умыться. В общежитии стояла тишина. Занятия в институте начинались с девяти, и все студенты ещё сладко спали. Умывшись, она вернулась в комнату. Есть совсем не хотелось, но понимая, что предстоит много работы и нужны силы, Катя намазала масло на хлеб, хотела положить сверху еще сыр, но его оставалось совсем немного. “Любе на завтрак”, – подумала она и, налив в чашку чай, быстро съела бутерброд.

В десять минут седьмого она уже была на остановке. Трамваи начинали ходить с шести часов. Людей на остановке почти не было, лишь мужчина и две пожилые женщины. Выйдя из тепла, она поначалу не мёрзла, но постепенно холод стал проникать сквозь её старенькое пальто. Катя подняла воротник, засунула руки в рукава пальто, но особо теплей не стало. Переминаясь с ноги на ногу, она ждала своего трамвая. Наконец, нужный номер показался вдали, и скоро она и ещё одна женщина уже ехали по своим делам в одном из вагонов трамвая, холодном и пустом. При взгляде на рядом сидящую бедно одетую пожилую женщину Кате стало до слёз грустно.

Неужели и я вот так до старости буду ездить по утрам на вторую или даже третью работу, чтобы оплатить жильё, которое буду снимать? Не буду же я всю жизнь жить в общежитии, кто мне позволит... Вот закончу институт, – придётся съехать.

Катя вспомнила и детдом, из которого её тоже попросили съехать. “Никогда. Теперь уже никогда у меня не будет собственного жилья”, – с этой отчаянно грустной мыслью она вышла на своей остановке и пошла в сторону большой городской библиотеки.

Эту работу нашла для неё Елена Владимировна, взяв с неё слово, что она бросит подрабатывать на заводе. Катя, решительно настроенная вернуть долг, обманула заведующую, сказав, что ту работу бросила. На самом деле она решила остаться на двух работах, чтобы быстрее вернуть долг и помочь одеться Любе. “Ничего, я сильная. Справлюсь”. Подойдя к библиотеке, она постучала в окошечко. Сторож, узнав Катю, пропустил её внутрь. Мыть полы в читальном зале нужно было один раз в день, и Катя, набрав ведро воды, прошла в зал. Море столов и стульев предстали её взору. Сначала нужно было пройти и поднять стулья на столы, а помыв полы, аккуратно расставить все по местам. Вроде простая работа оказалась весьма трудоёмкой, и Катя устала. Надо было торопиться: первым шёл семинар по литературе.

Ей не всегда удавалось быть готовой к занятиям, но уж если она подготавливалась, то старалась выступить и получить оценку. Сегодня был как раз такой день. Она была готова. Катя вбежала в аудиторию за минуту до преподавателя. Достав учебник, она мельком просмотрела конспект. Семинары по литературе у них вела молодая, симпатичная девушка. Она ещё только вступала на преподавательскую стезю, и к лекциям её не допускали, но вот семинары вести разрешали. Звали её Вероника Петровна. Недавно закончившая институт, она по-дружески общалась со студентами, прощала им пропуски, если ребята хоть изредка готовились к занятиям.

– Тема сегодняшнего семинара “Литература эпохи Возрождения”, – Вероника Петровна назвала тему и открыла журнал.

Как ни странно, многие были готовы. И Катю преподавательница, несмотря на поднятую руку, не торопилась спрашивать. Уже перед самым окончанием семинара Вероника Петровна неожиданно перешла к России.

– Так был ли Ренессанс в России? – загадочно улыбаясь, спросила она. Рук лес сразу исчез.

– Катя, может, ты нам ответишь? – обратилась она к девушке.

Уже не ожидавшая, что вызовут отвечать, Катя убирала учебник в сумку. Услышав своё имя, она обрадовано вскочила с места и бодро ответила.

– Конечно. Программа преобразований царя-реформатора Петра Великого была насквозь просветительская – по основным направлениям, разумеется. Результаты этой программы, которые можно наблюдать в течение последующих столетий, и явились для России эпохой Возрождения в той же мере, как и в Италии, правда, на столетия позже.

– А почему с опозданием?

– Во-первых, Россия вступила на мировую арену относительно поздно, отчасти из-за закрытости. Во-вторых, ренессансные явления в России не были признаны как таковые в связи с вечным морализмом русской интеллигенции. Искусство принижалось: от него требовали пользу, служение добру.

Тут прозвенел звонок. Студенты тотчас поднялись со своих мест. Никто уже никого и ничего не слышал. Но Катя услышала, как Вероника Петровна её похвалила и поставила очередную пятёрку.

– А почему твоя подруга Люба не ходит на занятия? – вопрос был задан уже на выходе из аудитории.

– Вероника Петровна, вы что, не слышали? У нас Люба – писательница. Она пишет замечательные стихи, а одна из её пьес в данный момент репетируется в нашем драматическом. Художественный руководитель настаивает на её присутствии, поэтому она вынуждена пропускать занятия. Скоро премьера. Вы уж извините! Люба пригласит вас на премьеру.

– Вот как! Я и не знала. Какая умничка! Рада за неё. Обязательно приду на премьеру.

– До свидания, – попрощавшись, Катя помчалась на лекцию.

После занятий в институте её ждал завод. Громадный зал, где производилась упаковка химической продукции. Случался брак, иногда кое-что рассыпалось и разливалось. Работа в этом цеху относилась к категории с повышенным вредом для здоровья, потому даже уборщицы, среди которых и Катя, работали в респираторных масках. Завод находился чуть ли не за пределами города, потому после своего дежурства возвращаться в общежитие приходилось почти в восемь часов вечера. Как всегда, по пути с работы Катя зашла в магазин, чтобы купить продукты. Близилась зима, и темнело рано. Горел единственный фонарь, освещающий дорогу от магазина до общежития и, хотя дорога не была длинной, но множество рытвин и неровностей делали её опасной. Она шла не спеша, боясь упасть. “Катя, подожди!”. Кто-то назвал её имя и она, остановившись, оглянулась. Сергей бежал к ней.

– Я тебя из окна трамвая увидел, – подбежав к девушке, он едва переводил дыхание. – Давай помогу.

Сергей протянул руку, чтобы взять пакет с продуктами.

– Поздно ты возвращаешься, я тебя уже два часа жду.

– Кто тебя просил об этом? – сурово ответила Катя и пакет с продуктами не отдала.

Сергей был решительно настроен на разговор с девушкой, потому, перегородив ей дорогу, напрямую спросил:

– Катя, почему ты на звонки не отвечаешь, всё время сбрасываешь? Что-то случилось?

Катя остановилась, помолчала несколько секунд, а потом вдруг резко, с каким-то отчаянием выпалила.

– Серёжа ты прости меня, но я люблю другого! У нас скоро свадьба, – сказав это, она обошла его и сначала медленно, а потом убыстряя шаг, пошла, и в конце концов вовсе побежала, оставив его одного.

Минут десять он стоял как вкопанный, приходя в себя от столь убийственной фразы, не имея сил даже пошевелиться. Поначалу он не верил в сказанное, но силуэт удаляющейся Кати подтверждал реальность произошедшего. И чем дальше уходила девушка, тем больше становилось ему. Вся та надежда, которой он жил столько лет, все те планы, которые строило его влюблённое воображение относительно их двоих, исчезало вместе с ней, как красивый мираж. И все отчётливей приходило осознание того, что, Катя собственной рукой безжалостно разрушила все его многолетние мечты, оставив после них лишь острые осколки. Спустя время он нашёл в себе силы повернуться и пойти к остановке, чтобы поехать домой.

А Катя между тем бежала, боясь оглянуться. Лишь войдя в общежитие – остановилась. И Сергею было невдомёк, как ей хотелось бросить эти чёртовы пакеты и кинуться вдогонку за ним. Остановить его, вымолить прощение, сказать, что любит его. Но она лишь сильнее вцепилась в подоконник, глядя из окна в ночь и понимая, что не побежит, молила, чтобы он сам вернулся. Если бы он тогда вернулся!.. Счастье было так рядом!

Катя не помнила, как долго простояла в вестибюле общежития. Она стояла в тёмном углу, повернувшись к окну, и её почти не было видно. Ей стоило больших усилий взять себя в руки и пройти в свою комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.